

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В. ОБОРИН
**НЕМЫЕ
СВИДЕТЕЛИ**

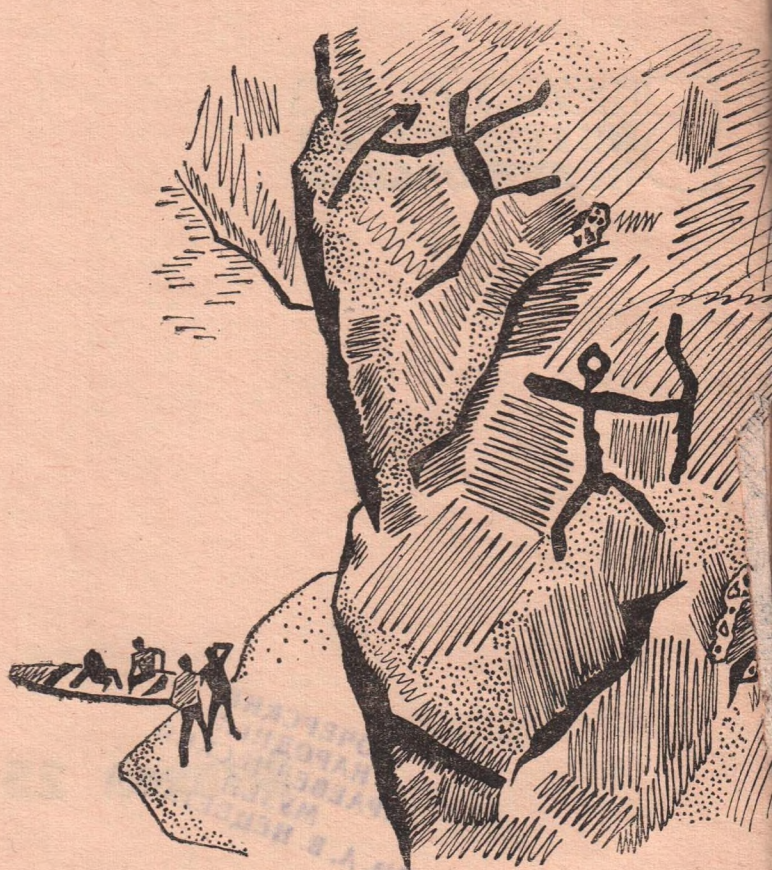
инв. № 516. Очер. музеев

**БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

ОЧЕРСКИЙ
НАРОДНЫЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ
ИМ. А. В. НЕЦВЕТА

Выпуск 25

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО — 1965

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КРАВЕЦА
НЕЦВЕТАЕВА А.В.
Г. ОЧЕР.

В. ОБОРИН
НЕМЫЕ
СВИДЕТЕЛИ

Прикамская земля хранит немало следов жизни древнейших обитателей края: орудия труда, рисунки, старинные крепости-городища. Ученые-археологи разыскивают древние памятники и ведут на них раскопки, чтобы узнать о жизни наших предков.

В коротких рассказах, помещенных в этой книжке, показано, какие интересные путешествия можно совершить в далекое прошлое нашего края, изучая немых свидетелей этого прошлого.

Автор ее — Владимир Антонович Оборин — родился в 1929 году в Перми. Окончил историческое отделение Пермского университета по археологической специальности. Сейчас работает в университете, доцент кафедры истории СССР, начальник Камской археологической экспедиции.

Первая печатная работа его вышла в 1951 году. Им написана совместно с О. Н. Бадером научно-популярная книжка «На заре истории Прикамья», вышедшая в 1958 году в Пермском издательстве. Кроме того, им опубликовано еще несколько работ по археологии и древней истории Урала.

Настоящая книжка является первой попыткой автора рассказать об археологических работах в научно-художественном жанре.

Художник К. Фокин

Смотрю перепишу с Талицкий М. В.
с которыми я был знаком лично.
Красно Ому

□ РЕБРО МАМОНТА

В зале отдела истории Пермского краеведческого музея стоит большая застекленная витрина. В центре ее прикреплена широкая плоская кость, на краю которой видны какие-то линии и зарубки. Под костью — этикетка: «Ребро мамонта». Рядом прикреплены грубые каменные пластинки и куски кремня с едва различимыми следами ударов. На дне витрины лежат крупные кости вымерших животных: большой зуб и длинный изогнутый клык, похожий на рог. В витрине висит и рисунок. Под ним надпись: «Палеолитическая стоянка Талицкого».

Почему же это ребро выставлено в музее? Как оно попало сюда и кто такой Талицкий, именем которого названа стоянка древнего человека?

...Стоял жаркий июльский день 1938 года. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом и палило немилосерд-

но. По берегу Чусовой пробирались ребята из деревни Гляденовой. Идти было неудобно: сучья, коряги и острые гальки кололи босые ноги.

Ребята забирались на развесистые кусты черемухи, объедая еще недозрелые бурые ягоды, бросали в воду плоские камешки — «пекли блины». Вдруг один из ребят наклонился и поднял большую кость, лежавшую на прибрежной гальке. Кость была почти совсем белая, на концах ее присохли мелкие комочки глины.

— Ерунда! Кость как кость! — заявил самый младший, взглянув на находку.

— Сам ты ерунда! Посмотри, тут какие-то черточки!

— Это наш Шарик глодал.

— Уж больно умный твой Шарик. Ишь, как ровно прогрыз: как по линейке, да еще и сбоку следы составил.

Ребята поочередно стали осматривать кость.

— А ведь, и правда, Шарiku так не прогрызть. Да и кость-то какая-то тяжелая.

Кость и в самом деле была тяжелая. Сверху она вся потрескалась, и тонкие узкие частички, похожие на стружки, легко отставали от нее даже при легком прикосновении.

Один из ребят спустился к реке и осторожно смыл комки глины с кости. На одном ее краю стали ясно видны две прорезанные линии и рядом с ними, поперек, еще ряд острых, угловатых ямок.

— Давайте поищем; может, еще что найдем, — предложил кто-то.

Ребята быстро рассыпались по берегу. Через несколько минут малыш закричал:

— Чур, я! Чур, я! — Он сидел на корточках и изо всех сил тянул из земли острую кость, похожую на обломок сучка.

— Ребята! Это же рога!

— Похоже. Только вот чьи они?

Никто не знал, чьи это рога. Обломок не был похож ни на козьи, ни на коровьи рога.

— Может, это мамонт?

— Какой мамонт! У него рогов не было, у него бивни. Искали еще долго, но больше ничего не нашли.

Кости в тот же день показали учительнице. Она долго и внимательно рассматривала их и сказала:

— Это, ребята, останки древних животных, которые жили в наших местах, а потом вымерли. Вы молодцы, что нашли их. Эти кости надо обязательно сдать в музей. Там точно определят, чьи они.

Через некоторое время ребята вместе с учительницей приехали в Пермь и отнесли свои находки в музей. Здесь ими заинтересовались ученые. Заведующий отделом природы Г. Т. Маурер поехал на Чусовую и осмотрел место, где были найдены кости. Он и сам нашел несколько костей, в том числе почти целый бивень мамонта.

В то время в Пермской области работала археологическая экспедиция. Маурер показал свои находки и находки ребят сотруднику экспедиции молодому археологу Михаилу Васильевичу Талицкому.

Михаил Васильевич хотя и был молод, но уже имел опыт в изучении далекого прошлого нашей Родины. Еще в детстве он увлекся поисками орудий древних людей. Недалеко от города Ростова Ярославского, где он родился и учился в школе, велась раскопки стоянки на берегу озера. Миша с большим интересом следил, как из земли выкапывали каменные топоры, наконечники стрел и другие вещи. Но вот раскопки остановились. Оказалось, что часть стоянки была еще в древности затоплена озером. Миша хорошо плавал и нырял. Вместе с другими ребятами он начал помогать ученым: нырял на дно озера и доставал оттуда древние вещи. Тогда аквалангов еще не было, и нырять было трудно. От долгого пребывания в воде звенело в ушах. Но Миша продолжал увлекатель-

ные поиски древних вещей — немых свидетелей прошлого. Они переставали быть немymi, когда ученые рассказывали о людях, живших на берегах озера более трех тысяч лет назад. Эти люди ловили рыбу сетями с каменными грузилами, искусно выделывали из камня красивые наконечники и топоры, которые ребята поднимали со дна озера.

С этого увлечения и начались первые шаги Миши Талицкого в той науке, которой он посвятил затем всю жизнь.

Позднее Миша трудился с лопатой на раскопках древнего Сарского городища, а после окончания школы пошел работать в Ростовский музей. Мальчишеский интерес окреп и превратился в цель жизни.

Будучи сотрудником музея, Михаил Васильевич проявил, кроме большого интереса и любви к изучению прошлого своего края, и другие незаурядные таланты.

Он был прекрасным художником. Все рисунки к своим работам он делал сам и немало помогал в этом товарищам. У него хватало терпения собирать и склеивать из отдельных битых черепков, найденных при раскопках, целые горшки. В витринах музея вместо кучи обломков древней посуды появились экспонаты, восстановленные его руками.

Но одного интереса и трудолюбия было мало для того, чтобы проникнуть в тайны далекого прошлого. Миша пошел учиться. Он поступил в Московский университет и теперь каждое лето мог ездить в экспедиции на раскопки, работать под руководством крупнейших ученых страны.

В Подмосковье и на Северном Кавказе, на Вятке и на Суре побывал студент Талицкий. И в каждой экспедиции его любили как хорошего товарища, уважали за твердость характера и неослабевающий интерес к своему делу.

После окончания университета перед Михаилом Васильевичем открылся путь в большую науку. И опять экспедиции. Сначала на канал Москва — Волга, где под воду должны были уйти многие древние памятники и их нужно было успеть раскопать. А с 1935 года — на Каму, где началось строительство Камской гидростанции.

В первые годы своей работы Талицкий добросовестно раскапывал новые стоянки и городища под руководством старших товарищей, рисовал находки, восстанавливал разрушенные в земле древние предметы. Но, как и у каждого ученого, влюбленного в свою науку, у него росла и крепла надежда открыть что-то свое, новое...

И вот перед ним ребро мамонта, найденное ребятами из Гляденовской школы. Оно отличалось от остальных костей тем, что на нем отчетливо были видны следы, оставленные человеком.

Вообще говоря, кости древних животных — интересная, но не такая уж редкая находка. Их можно обнаружить не только на месте древних стоянок. Люди часто поедали добычу, не принося ее на стойбище, и бросали кости на месте удачной охоты. Кроме того, звери гибли и сами — от эпидемий, пожаров, попав в болото, просто от старости.

Но эта кость, безусловно, побывала в руках древнего человека. Внимательно вглядывался Талицкий в тонкие линии непонятного рисунка. Он вспомнил, что на лекциях в университете профессор показывал фотографию такого же ребра, на котором каменным резцом была вырезана фигура животного с длинными бивнями и высокой горбатой спиной, покрытой длинной шерстью. Это и был мамонт, на кости которого рука сибирского охотника нанесла четкое, уверенное изображение. Рисунок, найденный ребятами, был гораздо беднее. Края кости сохранили следы надрезов, по которым она была переломлена с обоих концов. Древний художник ограничил площадь

своего будущего рисунка. Сам рисунок был вырезан острым каменным резцом.

Было что-то общее у этой находки со знаменитой находкой на сибирской стоянке. В обоих случаях материалом служило ребро мамонта, инструментом — каменный резец. Можно было предположить, что, как и в Сибири, ребро, найденное на Чусовой, лежало на месте древней стоянки. Но ведь до сих пор на Урале не было найдено ни одной достоверной стоянки человека такой далекой древности...

Может быть, ребро с рисунком случайно попало на берег Чусовой? Но почему тогда почти в этом же месте был найден сломанный рог северного оленя и другие кости и почему большинство костей были раздробленными? Внимательный осмотр костей показал, что некоторые из них были хрупкими, прокаленными в огне. Вывод напрашивался один: ребро найдено около стоянки палеолитического (так называют древнекаменный век — от греческих слов «палайос» — древний, «литос» — камень) человека.

Но как же так? Ведь три года назад Михаил Васильевич вместе с Павлом Иосифовичем Борисковским — специалистом по палеолиту — были в тех же местах, где ходили гляденовские ребята, и тоже нашли зуб и позвонок мамонта. Кости как кости, на них не было никаких следов руки человека. Значит, еще тогда он стоял на пороге большого открытия, но прошел мимо, не заметив того, что позднее нашли ребята. А скорее всего эти кости лежали придавленные глиняной толщей берега, и только недавно дождь вымыл их и выбросил на прибрежную гальку. Все это нужно было проверить на месте.

18 сентября Талицкий выехал на Чусовую. Он переправился на правый берег около деревни Остров, пошел по краю обрыва вверх по реке, внимательно осматривая и обрыв, и галечник.

Вот одна разбитая кость, вот еще и еще... Чем ближе к деревне Гляденовой, тем больше костей. Вдруг в обнажении берега опытный глаз археолога заметил тонкую темную прослойку. Она была едва видна, а в нескольких местах и вовсе терялась в песке и глине. В ход пушена маленькая саперная лопатка. Тонкими срезами зачищает Талицкий глинистую кручу. Лопатка глухо звякнула, под ней что-то блеснуло. Порывшись в обваленной земле, Михаил Васильевич достал тонкую прозрачную пластинку. Горный хрусталь! Здесь?! Он встречается только на восточном склоне Урала. Неужели пластинка привозная? На ней явно видны следы работы: тонкие мелкие ячейки-сколы заострили ее края. Это же каменный нож — орудие древнего человека!

В темной прослойке нашлось еще несколько пластинок из кремня и хрусталя, оббитые гальки, маленькие чешуйки камня, отжатые при обработке орудий, обугленные кости животных.

Вот еще одна необычная галька. Со всех сторон ее идут острые грани-ребра и сходятся книзу. Верхняя часть плоская. Это — ядрище (или нуклеус — по латыни). От этой гальки сильным нажимом камня отделяли острые режущие пластинки для ножей и других орудий. Рядом нашлась пластинка, затупленная с краю. Это скребок. Его вставляли в костяную рукоятку и очищали шкуры животных от остатков мяса и сухожилий, чтобы сшить затем теплую одежду.

И снова странная находка. Плитка известняка с обеих сторон раскрашена красными полосами. Талицкий вспоминает, что такие раскрашенные гальки встречались и на других древних стоянках. Неизвестно, для чего они служили. Может быть, древний художник нанес на них какой-то узор, понятный лишь ему самому. А может быть, эти камешки служили так называемыми чурингами? Древние люди верили, что душа человека после его

смерти прячется в таком камешке. Ведь именно такое верование и по сей день сохранилось у некоторых племен в Австралии.

Но как бы там ни было, совершенно ясно, что обнаружена самая древняя стоянка человека на Урале. Сравнивая орудия, найденные на ней, с орудиями, найденными на других стоянках, можно сказать, что люди жили здесь не менее двадцати тысяч лет назад.

В те времена с севера наступал ледник. Люди добывали пищу и одежду охотой на мамонтов и древних, покрытых шерстью, носорогов, на северных оленей и песцов.

Дальше подрывать берег лопатой было нельзя. Тонкая темная прослойка с находками — это культурный слой (так называют его археологи). Этот слой образуется везде, где живут люди, и состоит из перегнивших остатков пищи, золы и углей из очагов, остатков жилищ, различных вещей. Он накопился за время существования стоянки первобытных охотников. Если рыть сбоку, обрушивая землю вниз, можно не заметить остатки жилищ. Их пока раскопано очень мало, а на Урале — ни одного. Но они должны быть здесь: недаром вместе с костями встречаются угли от костров.

Очень хочется сразу подрывать берег, узнать, что еще скрывается в его толще. Но... нельзя! Да одному это и не под силу. Тонкая темная прослойка накрыта сверху шестнадцатиметровой толщиной глины. Чтобы добраться до нее, нужно снять эту толщу.

Михаил Васильевич завернул находки в пакеты, нарисовал план местности и тщательно вычертил разрез берега с темной прослойкой.

Вернувшись в Москву, Талицкий написал научную статью об этой находке. Он доказывал, что найденная стоянка относится к древнекаменному веку. Люди, жившие на ней, вероятнее всего, пришли на Урал из Сибири. На сибирских стоянках встречаются такие же грубые

массивные скребла, там же были найдены и рисунки, сделанные на ребре мамонта.

Статья вызвала большой интерес ученых. Все согласилось с определением возраста стоянки, но вывод о сибирском происхождении ее обитателей встретил возражения. Нужны новые доказательства, а их могут дать только раскопки.

Талицкий ждет не дождется лета, чтобы начать раскопки. Они, очевидно, будут долгими, не на один год. Ведь тонкая темная прослойка лежит под шестнадцатью метрами глины.

На следующий год раскопки начинаются. Пока они еще небольшие — это только разведка. Талицкий выбирает место, где слой глины меньше. Однако за лето удастся снять только балласт — налегающую сверху глину. Начинаются проливные осенние дожди. Погода для расчистки неподходящая. Раскоп залит водой, в нем все затянато жидкой кашей глинистой грязи. Продолжение раскопок приходится отложить на будущий год.

Пока рабочие снимали плотную вязкую глину, Михаил Васильевич еще и еще раз внимательно осматривает берег в окрестностях стоянки.

И вот — новые находки. Сначала кости. Но какие! Это кости животных, живших задолго до наступления ледника, еще в теплом климате: древнего слона, носорога (не шерстистого, а южного), благородного (а не северного) оленя. И на костях — следы разломов. Опять рука человека! Выше стоянки, в выходе синих плотных глин Талицкий нашел обработанную со всех сторон, заостренную гальку. Это — ручное рубило, универсальное орудие древнего человека: и нож, и топор, и скребок одновременно. Рядом с ним найдены грубые массивные куски того же кремня, из которого сделано небольшое рубило. На их краях — тоже следы обработки.

Очевидно, древние люди, жившие на берегу Чусовой

инв. №516.

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КРАЕВЕДА
НЕЦВЕТАЕВА А.В.
г. ОЧЕР

задолго до охотников на мамонтов, собирали обломки кремневого черного сланца и оббивали их, превращая в орудия труда. Такие рубила найдены и на других стоянках в нашей стране и за рубежом. Изготавливали их очень давно — семьдесят пять тысяч лет тому назад.

Итак, одно открытие повлекло за собой другое. Видимо, обнаружена очень древняя стоянка — еще доледникового времени. Овраг, в котором были найдены кости и рубило, местные жители называли Пещерным логом, хотя пещер здесь и близко не было. Под этим названием стоянка была нанесена на карту древнейших находок следов человека на земном шаре. И оказалось, что это — самая северная в мире точка расселения человека до наступления ледника.

Слой синей глины, в котором были найдены кости доледниковых животных и рубило, покрыт сверху слоем окатанных камней. Это следы работы ледника. Он оставлял камни на том месте, где таял, — создавал так называемые морены. Ледник наступал с севера, и люди были вынуждены отойти к югу. Затем ледник отступил, и на берегах Чусовой снова появились люди, поселившиеся в том месте, где ребята нашли ребро мамонта.

Так находка ребят привела к двум интересным открытиям, одно из которых имеет мировое значение.

Но почему же в витрине музея вещи, найденные при раскопках этой стоянки, висят под надписью «Стоянка Талицкого»? Талицкий был человеком скромным, да и не принято в исторической науке присваивать имена ученых открытым ими памятникам. Чаще всего эти памятники старины — стоянки, городища, могильники — получают имена по названиям ближайших деревень, сел, рек. Так было и на этот раз. Стоянку, открытую в результате находок ребят, называли Островской (по деревне Остров, стоявшей неподалеку от нее). Имя Талицкого появилось на археологической карте позднее.

Михаил Васильевич Талицкий не успел закончить раскопки открытой им стоянки. Ему пришлось выполнять еще много других нужных для науки дел. В предвоенном 1940 году он заканчивал большую научную работу по истории предков нынешних коми-пермяков, несколько лет вел раскопки на Родановом городище около Березников, и по его названию древняя культура коми-пермяков названа родановской. Много интересного нашел Талицкий при раскопках этого городища. Кроме того, объездив музеи Пермской области и изучив хранящийся в них археологический материал, он составил карточки-описания всех известных в Прикамье древних памятников, собираясь издать их как материал к археологической карте. Эта работа была завершена его верным помощником и женой, тоже археологом Инной Андреевной Талицкой. Материалы к археологической карте напечатаны отдельной книгой. Ею пользуются сейчас все ученые и краеведы, изучающие древнюю историю края.

Михаил Васильевич пишет несколько статей о своих прошлых раскопках на Вятке и под Москвой, о древнейшей на Урале стоянке у Пещерного лога. Зреют замыслы новых работ. Но мысль о завершении раскопок Островской стоянки не оставляет его.

Лето 1941 года. Михаил Васильевич в середине июня приехал в Пермь и начал расчищать место для нового раскопа. Здесь и застала его весть о начале Великой Отечественной войны. Пришлось сменить лопату археолога на пистолет и планшетку офицера Советской Армии. Талицкий возвращается в Москву и уходит в народное ополчение добровольцем, а затем — в регулярную армию.

В августе 1942 года на Смоленском направлении фашистская мина оборвала светлую жизнь майора Талицкого. Он погиб, защищая нашу Родину, полный уверенности, что вернется к мирному труду ученого, к раскопкам открытой им древнейшей на Урале стоянки.

Не сговариваясь, оставшиеся в живых друзья стали называть Островскую стоянку именем ее первого исследователя. Сейчас это ее второе название совершенно вытеснило первое, и на всех археологических картах стоянка носит имя Михаила Васильевича.

Раскопки стоянки продолжали другие ученые. После окончания войны сюда выехали студенты Пермского университета под руководством известного ученого, тогда доцента университета, ныне доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института археологии Академии наук СССР Отто Николаевича Бадера. В течение нескольких лет стоянка была изучена полностью. Удалось обнаружить много нового и интересного.

На месте, где школьники нашли ребро мамонта, двадцать пять тысяч лет назад три раза поселялись первобытные охотники на мамонтов. То, что это было именно двадцать пять тысяч лет назад, удалось установить с помощью геологов, главным образом Владимира Александровича Апродова. Внимательно рассматривая толщу глины, покрывавшую культурный слой стоянки, геологи отметили, что она состоит из тончайших прослоек песка и глины. Эти прослойки отложились, когда формировался современный берег реки Чусовой. Песок отлагался весной, во время паводка, глина — осенью, в период дождей, смывавших ее со склонов. Так год за годом в течение многих веков над местом стоянки нарастал берег.

Рассматривая культурный слой стоянки, ученые обнаружили, что он состоит из трех тоненьких прослоек. Люди приходили сюда три раза. Первый раз это было ранней весной: часть темной прослойки лежит на глине и перекрывается сверху песком. Другой раз — осенью того же года: вторая прослойка лежит на песке и перекрыта сверху глиной. Третий раз — еще через год, поздно осенью или зимой: третья прослойка отделена от первых двух слоем песка и глины и перекрыта сверху песком.

При раскопках удалось найти остатки древних жилищ. Они были очень небольшими, временными, так как люди жили здесь недолго. От жилищ сохранились неглубокие ямы, заполненные углем. По краям их лежали каменные плиты, на которых поджаривалось мясо убитых животных. Ямы были остатками очагов, расположенных внутри легких, похожих на шалаши, жилищ. Вокруг ям были вкопаны крупные кости. Очевидно, они служили остовом для кровли. Крыли жилища, вероятнее всего, шкурами или корой. Внутри этих жилищ и попадалось большинство находок. Среди них удалось найти орудия, похожие на орудия с сибирских стоянок, такие же, какие нашел в своих разведках Талицкий.

Ученые установили, что в то время, когда стоянка была обитаема, Чусовая текла по другому руслу, и Сылва впадала в нее почти прямо напротив древнего стойбища. Узкие длинные овраги, выходившие к реке, служили удобным местом для охоты на крупных животных. Охотники устраивали засады и камнями забрасывали сверху мамонтов и шерстистых носорогов, когда они, отяжелевшие после водопоя, поднимались по крутому дну оврага.

Животные в поисках пищи постоянно передвигались по приледниковой тундре. За ними передвигался и человек. Вот почему вскоре, после трех посещений, стоянка была заброшена и люди перешли куда-то на другое место.

Раскопки стоянки подтвердили догадку Талицкого, что первые люди на Урал пришли из Сибири. О. Н. Бадеру удалось доказать это многими фактами. Урал в начале наступления ледника был почти полностью изолирован от Европы и открыт для заселения человеком из Сибири. Ледник спускался к югу до нижнего течения Волги, а навстречу ему близко подходила вода Каспийского моря.

Последующие открытия археологов рассказали много

нового о жизни и расселении древнейших людей. Оказалось, что в те времена, когда была обитаема стоянка Талицкого, человек уже сумел проникнуть в самые северные районы Урала. В 1948 году на Каме, у деревни Демидково, северней стоянки Талицкого, были найдены остатки еще одной палеолитической стоянки. В 1960 году археолог В. И. Канивец и геолог Б. И. Гуслицер нашли стоянку этого же времени в верховьях Печоры, в Коми АССР. А еще позднее, в 1963 году, тот же В. И. Канивец нашел на Печоре самую северную в мире палеолитическую стоянку — Бызовую, расположенную на шестьдесят пятом градусе северной широты.

Человек, защищавший свое тело от холода шкурами животных, владея огнем, двигался вслед за отступающим к северу ледником и уходящими за ним крупными животными.

Новые открытия были сделаны и в изучении искусства древнекаменного века на Урале. Если на ребре мамонта, найденном ребятами у деревни Гляденовой, был сделан очень скромный рисунок, то в Каповой (Шульгановой) пещере, в горной части Башкирии, недавно была найдена целая подземная картинная галерея.

На стенах пещеры красной охрой, такой же, какой были раскрашены камешки на стоянке Талицкого, первобытные художники нарисовали поразительные по реализму силуэты и контуры мамонтов, диких лошадей, носорога. Это — первая находка древнейших памятников живописи на Урале. По совершенству исполнения она не имеет себе равных в нашей стране.

Материал раскопок стоянки Талицкого имеет теперь решающее значение для определения возраста других стоянок древнекаменного века на Урале.

С тех пор, как школьники из деревни Гляденовой принесли ребро мамонта в Пермский музей, прошло уже

больше двадцати лет. Находка, сделанная ребятами, оказала большую помощь ученым и привела к важным открытиям, помогла прочесть новые страницы жизни наших далеких предков. Ребята, нашедшие это ребро, уже давно стали взрослыми и, может быть, только изредка вспоминают о своей находке. Нет сейчас и стоянки Талицкого. Она полностью раскопана. А на том месте, где она находилась и где стояла деревня Остров, плещут волны Камского водохранилища, которое пермяки любовно называют Камским морем.

□ ВИШЕРСКИЕ ПИСАНЦЫ

Над витриной краеведческого музея висит большая картина. На холсте изображены хмурые серые камни, на поверхности которых выступают причудливые красные фигурки. В одних из них можно с большим трудом узнать изображения человека и животных, другие совершенно непонятны и кажутся просто слу-

чайными мазками. Под картиной — пояснение: «Писанцы Писаного Камня на р. Вишере».

Что это за писанцы? Кто и когда нарисовал на скале эти странные фигурки? Тексты в витрине ничего не говорят об этом. Лишь изредка экскурсовод рассказывает заинтересовавшимся посетителям музея историю вишерских писанцев, своеобразных немых свидетелей прошлого.

Много красивых рек на Урале. Но Вишера поражает какой-то особой прелестью дикой и суровой природы се-

вера. Высокие серые скалы, как бастионы сказочных замков, висят над бурлящими водами горной реки, берущей свое начало в отрогах Уральского хребта. Неяркое солнце мягким, ровным светом заливает бескрайнее море тайги. Далеко на горизонте синеют вершины Северного Урала. Шумит Вишера на перекатах, где даже плот разивает бешеную скорость.

Почти все скалы, или, как их называют на всех уральских реках, камни, имеют названия: Ветлан, Говорливый, Дыроватый, Столбы, Притон, Моховой, Писаный. Эти названия даны им первыми русскими поселенцами. Но некоторые камни называются и не по-русски: Чувал, Ялпинг-Ньер. Да и многие речки и деревни имеют нерусские названия: Колчим, Щугор, Велгур, Усть-Улс. Эти названия пришли чаще всего из языка народа манси — потомков древнейших обитателей северного и горного Урала. В низовьях Вишеры нередко названия, происходящие из языка коми-пермяков: Язьва, Колынва, Вильва. Нижнее равнинное течение Вишеры еще в древности было заселено предками коми.

Камень Писаный. Это название закрепилось за ним очень давно. Почти триста лет назад русские крестьяне-новопоселенцы из чердынских лесов приходили сюда ловить рыбу, а иногда и основывали здесь первые небольшие деревеньки — починки. Выше по Вишере шли земли местных охотников и оленеводов — манси, или, как их неправильно называли раньше, — вогулов, вогуличей.

Название камню было дано не случайно. Русские рыбаки обратили внимание на яркие и непонятные рисунки на серой скале и называли их писанцами. Слово «писать» часто в то время значило и «рисовать». Русским поселенцам были хорошо известны, например, иконы письма строгановских крепостных. В рисунках на скале они тоже видели работу каких-то неизвестных, живших здесь ранее, и по-своему искусных мастеров.

Кто были эти мастера? Может быть, те же манси, которых русские оттеснили вверх по реке? А может быть, представители других племен? Продвигаясь дальше на восток, русские снова встречали скалы, украшенные рисунками, и тоже называли их писаными. Так и появилось на Урале несколько Писаных камней.

Манси почитали эти камни как священные места. На камнях виднелись рисунки, написанные их предками и памятные всем соплеменникам. Светло-красной краской были нарисованы фигуры шаманов в высоких рогатых шапках. Вокруг них — углы, крестики, черточки, фигурки зверей. Это вызванные шаманами духи. Рядом с ними — круг с тремя отростками-лучами, а внутри его черточками и кружками нанесены нос, рот и глаза. Это солнечный или лунный диски, их манси обожествляли. В глухих лесных святилищах они прибывали к деревьям круглые серебряные или золотые блюда, заменявшие лик солнечного или лунного бога. К подножию деревянного идола ставили другие блюда и наполняли их мехами и монетами, приносимыми в жертву этим богам.

Блюда и монеты попадали на север издалека, из южных стран, в обмен на драгоценные меха, которые в большом числе добывали местные охотники.

С Писаным камнем на Вишере у манси была связана поэтичная легенда о Вогулкиной тропе. От манси она перешла к первым русским поселенцам и, передаваемая из поколения в поколение, дошла до наших дней.

Отвесная скала Писаного камня прорезана тремя выступами-складками. Одна из этих складок начинается у самой вершины скалы, круто опускается вниз до ее середины и вдруг неожиданно обрывается почти над самими писанцами.

И рассказывает народ, что жила в тех краях прекрасная девушка-вогулка. Полюбила она молодого охотника, и он полюбил ее. Однажды случилось так, что не стало

зверя в родной стороне. Молодой охотник ушел в поисках зверя далеко от своих чумов и дошел до земли другого племени. Там встретил он другую девушку, из племени земледельцев-коми, — и не вернулся домой, остался на чужой стороне. Долго ждала его красавица вогулка. Часто выходила на вершину камня под высокую сосну, где не раз они сидели вдвоем, и все смотрела вдаль — не покажется ли на реке знакомая лодка любимого.

Но шли месяцы и годы, давно вернулись другие охотники, а возлюбленный не возвращался. Поняла вогулка, что бросил он ее. Села она на нарты, разогнала своих оленей и направила их на вершину камня под высокую сосну. От высокой сосны по крутой тропе понеслись быстрые нарты прямо в бурную реку. Кончилась тропа, сорвались нарты в воду, и скрыла быстрая Вишера вогулку с оленями. Проезжали мимо охотники-манси, проезжали русские рыбаки и называли они тропу Вогулкиной. Заросла тропа мхом и травами, но до сих пор от большой сосны, выросшей на месте старой, где сидели раньше вогулка с охотником, до середины камня виден ее прямой резкий росчерк...

Мы говорили, что обычно рисунки на уральских Писаных камнях сделаны светло-красной краской. Но на скале, стоящей на берегу Вишеры, были рисунки, нанесенные другой, более темной краской, непохожие на рисунки манси. Часть из них заплыла известковыми натечками, другие почти совсем выкрошились. Кто рисовал их — не знали и манси.

Уже свыше двухсот лет назад вишерскими писанцами заинтересовались путешественники. Тогда на Урале жили пленные шведы, которых русская армия Петра Первого била и под Лесной, и под Полтавой, и на берегах Балтики. Пленные шведы, сосланные на Урал, строили крепости и церкви, украшали дома воевод и богачей белыми изразцами с синими затейливыми рисунками.

Среди пленных шведов был Франц Страленберг, очень интересовавшийся всем, что видел в далеком лесном краю, богатом всякими диковинками. Он рассматривал и рисовал серебряные персидские и арабские блюда, выпавшие русскими крестьянами около Чердыни. Обратил внимание и на писанцы, когда вместе с товарищами ехал по Вишере на строительство русских городков в Сибири.

Очевидно, лодка с пленными шведами останавливалась около Писаного камня и приткнулась у его подножия к небольшому пятачку земли, заросшему редким лесом и кустарником. От местных крестьян Страленберг уже слышал о загадочных рисунках и решил посмотреть их. Он вскарабкался по выступам скалы и увидел красные фигурки, проступавшие на серой поверхности камня. Страленберг сразу отметил, что похожие изображения он уже встречал раньше у себя на родине и в Исландии. Но только там древние мастера рисовали их на кусках кости. Здесь же рисунки нанесли на скалу или выжгли огнем. В записной книжке путешественника появились зарисовки писанцев. Некоторые рисунки были очень расплывчаты, и зарисовки были сделаны грубо и неточно.

Через несколько лет, вернувшись на родину, Страленберг написал книгу, где рассказал обо всем, что видел интересного в России. В книге было много иллюстраций и среди них — рисунки вишерских писанцев. Позднее их много раз перепечатывали в своих работах другие ученые, но никто не проверил, правильно ли скопировал Страленберг писанцы. И никто не смог объяснить, кем и когда сделаны они на скале.

Правда, через сто пятьдесят лет после Страленберга на Вишере побывал геолог Кротов. Он бегло сравнил рисунок Страленберга с подлинником на скале и отметил, что сохранилась едва лишь половина тех изображе-

ний, которые видел Страленберг. Однако, как выяснилось впоследствии, Кротов поспешил с таким заключением. Большая часть рисунков сохранилась и дошла до наших дней.

Писанцы видели многие, но никто не сделал точных копий с рисунков, не осмотрел всю поверхность скалы около них, не обратил внимания на маленький полуостров у подножия Писаного камня. Так и оставались они «диловиной», непонятной и немой. Заставить их рассказать свою тайну ученые сумели только спустя еще семьдесят лет — в наши дни.

Это было уже после окончания Великой Отечественной войны. Школьники из Красновишерского района со своим учителем Владимиром Федоровичем Генингом совершали обычный туристский поход по берегам Вишеры. Учитель уже тогда интересовался историей края. Особенно ему хотелось посмотреть Писаный камень, о котором много рассказывали местные жители.

Плоты юных туристов пристали к подножию Писаного камня. Река здесь была изумительно красива и манила прохладой. Ребята бросились купаться, а потом поднялись на высокий уступ скалы над Вишерой. Прыгнуть вниз в быстро бегущую реку было страшновато. Первым прыгнул учитель, за ним стали нырять те, кто посмелее. На дне реки темнели острые камни, ледяная вода обжигала тело, но зато каждый прыгнувший чувствовал себя сильным и смелым.

Обогревшись после купания, ребята с большим трудом вскарабкались на вершину камня. Перед ними расстилалась бесконечная, уходящая к горизонту тайга, окрашенная желтоватым светом солнца. Под ними лентой вилась Вишера. У подножия камня были видны маленькие квадратики плотов и белое пятнышко палатки. Высота такая, что дух захватывает. Старожилы говорили,

что недалеко от вершины на отвесной скале есть небольшая пещера. Войти в нее можно только спустившись по веревке. Метрах в двадцати от вершины на гладкой поверхности скалы — темный выступ. По рассказам, это и есть вход в пещеру.

Учитель достал длинную прочную веревку и крепко привязал один конец ее к большой развесистой сосне на краю обрыва. Другой конец он обмотал вокруг пояса и закрепил его. Потом медленно, нащупывая ногами выступы скалы, начал спускаться. Вдруг нога сорвалась с выступа, веревка натужно закрипела, и где-то далеко внизу булькнули упавшие в воду камни. Ребята замерли. Учитель, повисший над пропастью, снова нащупал выступ и осторожно стал спускаться дальше. Вот он уже перед входом в пещеру. Но как попасть в нее, если вход очень узкий, а скала отвесная? Ребята увидели, как, прогнувшись назад, учитель вытянул вперед сначала одну, потом другую ногу и стал проталкивать тело в пещеру.

Следом за ним осторожно спустились еще двое ребят, уже имевших опыт лазания по пещерам. Остальным учитель спускаться не разрешил. Пещера была маленькая, узкая, и ничего интересного, кроме костей мелких птиц и грызунов, затащенных сюда крупными хищными птицами, в ней не было.

Выбравшись из пещеры, учитель с ребятами спустился вниз. У подножия камня загорелся веселый огонь костра. Начали готовить обед. Вдруг из-за кустов раздался голос:

— Владимир Федорович! Идите сюда!

Учитель пробрался через густую заросль кустарника и остановился пораженный. Прямо перед ним на скале краснел четкий силуэт какого-то зверя, похожего на собаку. Осмотрев скалу, он увидел, что вся она выше и ниже этого рисунка покрыта расплывчатыми красными силуэтами. В некоторых из них можно было узнать си-

луэты зверей и людей. Вот они, писанцы! Вот почему называется этот красивый камень Писаным! Учитель позвал других ребят, и они долго любовались рисунками, находя все новые и новые и высказывая самые невероятные догадки о том, что они изображали.

Вечером все сидели вокруг костра. С темного неба угрюмо моросил мелкий, противный дождь. Но он не мог залить костра. Выступ скалы, нависший над подножием камня, надежно укрывал путников.

— Эти рисунки, наверное, очень древние, — сказал учитель. — А если так, то здесь должна быть стоянка древних людей. Попробуем завтра начать раскопки.

Утром все проснулись раньше обычного. Учитель заметил, что кто-то уже успел наточить лопаты. Всем не терпелось.

Копать под скалой было очень трудно. Лопата поминутно звякала о камни. Земли здесь почти не было, лишь жирная, темная глина залегала между множеством крупных и мелких камней. Начинало припекать поднимающееся солнце. Все сильнее кусали комары, оводы и мошки. Копали по очереди, сменяя один другого, так как лопат было только две.

Вдруг в кучке камней и земли, выброшенной лопатой из ямы, заметили какой-то желтоватый предмет. Руками разгребая землю, ребята извлекли небольшую косточку и передали ее учителю. Почистив ее, он удивленно присвистнул. На кости была проделана дырка, а под ней виднелась густая сетка линий, пересекавших друг друга.

— Это, наверное, амулет. Его мог подвешивать на одежду шаман, — сказал учитель.

И он начал громко напевать арию Мефистофеля, его любимую, которую он пел только в очень хорошем настроении. Вот лопата выбросила из земли большой длинный камень правильной формы, облепленный глиной.

— Вымойте его в реке! — распорядился учитель.

Через несколько минут на траве лежала грубая плоская каменная мотыга.

— Вот это да! — раздался дружный вздох.

— Ну, ребята, хватит копать! Здесь нужны настоящие раскопки. А то мы можем только напортить.

С неохотой вылез парнишка из выкопанной ямы, с неохотой отошли остальные и унесли вещи в шалаш.

Учитель долго возился над рюкзаком, доставая большие листы бумаги, затем взял у дежурного немного масла и начал размазывать его по бумаге.

— Что вы делаете, Владимир Федорович?

— Кальку готовлю. Надо скопировать рисунки на скале и показать их ученым.

Скоро самодельная калька была готова. Правда, ее было не так уж много. Из срубленных березок склотили лестницу. Учитель поднялся по ней и, наложив бумагу на скалу, стал обводить рисунки черным карандашом. Когда он уставал, его сменял кто-нибудь из ребят. Скоро калька кончилась, а рисунков на нее перенесли меньше половины.

— Ну что ж, ребята, придется пока на этом кончить. На будущий год придем сюда снова.

Осенью учитель поступил в Пермский университет, стал студентом-историком. А на следующее лето снова приехал на Вишеру вести раскопки под Писаным камнем, но уже не один, а с другими студентами. С ними был и руководитель — опытный археолог О. Н. Бадер.

И снова на полуостровке под скалой был поставлен шалаш. Снова около него весело трещал огонь походного костра, раздавались звонкие молодые голоса.

Работу было решено начинать сразу в двух местах. Одна группа занималась писанцами. Поверхность скалы обливали водой, и после этого рисунки, покрытые известковым налетом, выступали гораздо четче. Их копировали уже на настоящую, а не на самодельную кальку.

Там, где изображений было особенно много, фон вокруг них осторожно покрывали мелом. Так было легче разобратся в рисунках, да и фотографировать их было удобней.

Руководитель посоветовал студентам внимательно осмотреть многочисленные расщелины и выступы около рисунков. Там накопилась земля, а кое-где даже распустились голубенькие колокольчики.

В одной из трещин обнаружилась находка — сломанный с конца каменный наконечник стрелы и рядом с ним медная бляшка. Острием наконечник был обращен внутрь расщелины. Чья-то рука направила стрелу в скалу, и она застряла в щели. Древко со временем сгнило, а наконечник остался. Но для чего нужно было стрелять в скалу? Трещина расположена высоко, добраться до нее нелегко. Да и примоститься около нее негде. Напрашивалось предположение, что стреляли именно в скалу, а не в человека, не в зверя и не в птицу. Расщелина так прикрыта выступом скалы, что с площадки перед камнем невозможно послать в нее стрелу из лука. Стрела могла быть направлена только с реки — с лодки или с плота. Оттуда расщелина видна хорошо.

А как попала сюда медная бляшка? Она лежала рядом с наконечником, вплотную. Вряд ли ее кто-то специально положил, предварительно отыскав застрявший наконечник. Вероятнее всего, она была привязана к древку стрелы и вместе с ней попала в трещину.

Но для чего нужно было посылать стрелу с привязанной бляшкой? На память исследователям пришел похожий интересный факт. На берегу Чусовой стоит красивый камень Дыроватый. Каждый год около него бывают сотни туристов, пачкая скалу разными надписями. Кстати, подобными надписями были испакошены и некоторые нижние рисунки Писаного камня.

В камне Дыроватом есть большая пещера, попасть в

которую нелегко. Она хорошо видна с реки, но от подножия скалы вход в нее находится на высоте почти двадцати метров. Добраться к нему можно лишь по стволу большого сваленного дерева.

Пещеры реки Чусовой еще до войны обследовал ленинградский археолог Николай Афанасьевич Прокошев. Побывал он и в пещере камня Дыроватого, произвел в ней небольшие раскопки у входа. Под слоем дерна, среди камней, нашлось много костей мелких животных и птиц, занесенных сюда хищными птицами. (Помните, то же самое нашли учитель с ребятами в пещере Писаного камня?) Но среди костей оказались и другие находки. Это были наконечники стрел, причем очень много — более сотни. Одни из них сделаны из камня, большинство выстругано из кости. Были здесь и медные трехгранные наконечники, и плоские — из железа. Каменные наконечники лежали глубже, придавленные камнями, обвалившимися со свода пещеры: и они попали в нее раньше, чем медные и железные, лежавшие почти на поверхности. Но, кроме наконечников, в пещере не было никаких находок. Странно!

Станным было и то, что почти все наконечники лежали остриями внутрь пещеры и концы почти у всех были сломаны или согнуты. Прокошев вспомнил, что охотники-манси еще недавно верили, будто в некоторых камнях живут духи реки. Они могут разгневаться на плывущих по реке и утопить их, разбив лодку или плот на перекате. Для того чтобы задобрить речного духа, манси приносили ему жертву. Охотник привязывал к стреле шкурку белки или другого маленького зверька и посылал стрелу в отверстие пещеры. После этого он смело плыл дальше. Если лодку все же разбивало о камни, охотник думал, что речной дух не принял жертву, что она была мала. Проезжая обратно, он обычно вновь посылал стрелы с дарами.

Прокошев обследовал еще несколько пещер на Чусовой. В них он нашел остатки костров, обломки посуды и другие вещи. Здесь древние охотники останавливались на ночлег, снимали шкурки с убитых животных, готовили пищу на кострах. Пещеры эти, сухие и обогреваемые солнцем, были расположены недалеко от реки, имели широкие входы. Пещера же в камне Дыроватом стояла особняком. В ней люди не жили, чтобы не потревожить духа реки в его собственном доме.

Много интересного узнал Николай Афанасьевич, изучая пещеры и другие древние памятники Прикамья. Им написаны работы по истории людей новокаменного века, живших в устье реки Чусовой, раскопаны землянки первобытных охотников и рыболовов, научившихся плавить металл.

Великая Отечественная война застала Прокошева в родном Ленинграде. Так же, как и Талицкий, он добровольцем ушел на фронт в ряды народного ополчения. С оружием в руках защищал свой родной город и в 1942 году погиб в бою с фашистами. Советская наука потеряла еще одного молодого талантливого исследователя.

Вернемся, однако, к находке в расщелине Писаного камня. Сопоставив эту находку с результатами исследований Прокошева, можно было прийти к выводу, что стрела с бляшкой была послана в жертву духам. А недалеко от Писаного камня, у подножия камня Бычок, на широком выступе под каменным навесом, археологи раскопали остатки костров, разбитые кости и обломки посуды. Здесь останавливались плывшие по реке древние охотники и рыболовы. Местные жители рассказывали, что это место считалось у рыбаков особым. До революции в церковный праздник Кузьмы и Демьяна они собирались на этой площадке и варили кашу — древние традиции сохранялись долго...

Вторая группа студентов начала раскопки на полу-

островке под Писаным камнем. Здесь, как говорят археологи, был заложен раскоп. На поверхности разметили колышками правильные двухметровые квадраты. Студенты сняли дерн, а потом начали осторожно скрести землю лопатами. Находок было очень мало: костяные и железные наконечники стрел, упавшие со скалы или не долетевшие до нее, костяные амулеты и украшения. Манси еще не так давно носили на одежде когти или клыки медведя, кости лося, считая, что дух зверя должен помогать тому, кто подвесил к своему костюму его косточку.

Под скалой в земле нашли куски хорошего кремня, хотя нигде поблизости его выходов нет. Куски были грубо расколоты и лежали там же, где были найдены следы древних костров. Однако здесь не удалось обнаружить раздробленных костей, ямок от столбов и других следов, которые обычно бывают на местах древних жилищ. Люди, судя по всему, не жили здесь, не готовили пищу. Они разводили костры и бросали в них куски кремня, принося в жертву духу огня этот замечательный камень, из которого они делали себе топоры, ножи, стрелы и другие нужные вещи.

Вокруг костров люди укладывали каменные и костяные мотыги, не побывавшие в работе, амулеты, украшения. Они тоже приносили их духам, надеясь задобрить их. Люди верили, что духи, как и люди, работают, — и приносили им вещи для работы; что они одеваются, — и приносили украшения; что они испытывают недостаток в пище, — и приносили им убитых животных.

Чем дальше продвигались раскопки, тем яснее становилось, что люди приезжали и останавливались у камня неоднократно, в разные времена.

Сначала они приезжали еще в каменном веке, оставили грубые каменные скребки и толстый черепок с замысловатым орнаментом. Позднее они приходили (а точнее — приезжали, ибо пешком к подножию камня было

не пробраться: попасть к нему можно только с реки), когда научились плавить медь и бронзу. А потом — еще позднее — несколько раз останавливались они здесь, вооруженные железными стрелами и топорами. В верхнем слое земли были найдены такие железные наконечники стрел, какие первые русские поселенцы находили на стоянках охотников-манси около трехсот лет назад. Можно сказать, что под камнем создавалась «копилка» разных предметов, которая «действовала» на протяжении более четырех тысячелетий.

А как же рисунки? В какое время нарисовали их? Внимательное изучение показало, что они были сделаны в те же времена, когда под камнем останавливались древние охотники.

Всего удалось обнаружить более трехсот рисунков. Они сделаны разными красками, на разной высоте, в разное время. Их рисовали на скале так, чтобы они были видны с реки. Самые нижние из них расположены на высоте более двух метров, есть они и на высоте более семи метров. Рисунки только на первый взгляд казались беспорядочными. При внимательном осмотре руководитель раскопок и студенты обнаружили отдельные группы изображений, связанных между собой по смыслу.

Самые древние рисунки сделаны темно-бордовой краской и покрыты сверху серым известковым налетом. Краску наносили густо, и рисунок получался слегка выпуклым, рельефным. Все рисунки выполнены в манере, присущей древним художникам новокаменного века. Похожие рисунки уже были изучены советскими учеными на берегах Онежского озера и Белого моря.

Краска сплошь заполняла поверхность рисунка и делала его силуэтным. Древние художники больше всего рисовали животных, часть которых можно определить без большого труда. Это хорошо знакомые и нам лось, медведь, песец, соболь. Чаще всего среди рисунков встре-

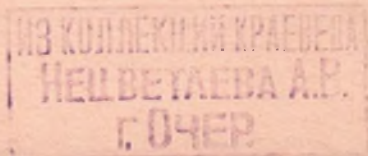
чается фигура лося. Очевидно, лось почитался как царь тайги, глава животного царства. Лоси нарисованы очень живо, среди них можно различить массивных рогатых самцов и тонконогих самок. Медведя художник изобразил грубым и неуклюжим, похожим на большую свинью.

Большинство рисунков являются частями целых композиций, своего рода картин. Вот одна из них. Охотник-мужчина стоит широко расставив ноги и держит в руках спущенный лук. Стрела из него поражает зверя. Зверь ранен и присел на задние лапы. Судя по всему, картина сделана в колдовских целях. Рисовавший ее охотник надеялся, что он так же уверенно поразит на охоте зверя, как изобразил это на рисунке. Для этого он и принес жертву духам.

На другом рисунке—рыба с плавниками—один вверху и два внизу. Она плывет к какому-то забору из трех вертикальных полосок. Видимо, это закол и рыба заходит в вершу, или, как ее еще называют, морду. Этот рисунок сделан перед рыбной ловлей, также в ожидании удачи.

Еще одна картина, более сложная. В ней больше десяти отдельных рисунков. В центре густой краской нарисована извилистая линия. Она очень похожа на линию течения Вишеры в окрестностях камня. Очевидно, древние охотники изобразили здесь на скале тот участок реки, который был им очень хорошо знаком. По обоим берегам реки нарисованы фигуры. На правом берегу — лось-самец, капкан, контуры какого-то шалаша из жердей, концы которых торчат из крыши во все стороны. Этот шалаш очень похож на мансийский чум. Вот — плывущая в реке рыба. Насторожившийся соболик. А на другом берегу — насторожившаяся самка лося.

Археолог Владимир Федорович Генинг считает, что эти фигурки не просто фантазия художника, а необходимые части древней карты. Хорошо известно, что перво-

бытные охотники жили и вели хозяйство коллективами, состоявшими из родственников, — родами. Каждый род обожествлял своего воображаемого предка — животное или растение. По этому предку род получал свое название: лося, соболя, хариуса и т. п.

Если так расшифровывать картину, то становится ясным, что перед нами карта территории древнего племени, жившего в среднем течении Вишеры более четырех тысяч лет назад. Каждое племя состояло из нескольких родов. На правом берегу Вишеры изображены три фигурки, на левом — одна. Очевидно, это было небольшое племя, состоявшее из четырех родов — лося, соболя, хариуса и лосихи. Три рода жили на правом берегу и один — на левом. Интересно, что и позднее, когда здесь возникли русские деревни, большинство их встало на правом берегу. Правый берег, более высокий и сухой, удобнее для поселения, чем левый — низкий и заболоченный.

Художник, рисуя территорию своего племени на большой высоте над рекой, как бы говорил всем проезжающим иноплеменникам: «Вот это — наша земля! Здесь живет наше племя. Здесь в скале живут духи реки — они охраняют нашу землю. Берегись, пришелец! Если посягнешь на землю нашего племени, тебя поразят гнев могучего духа реки и наши острые стрелы!»

Самые древние рисунки Писаного камня — самые многочисленные и наиболее живо передающие натуру. В те далекие времена охотники Урала умели не только рисовать животных, но и искусно выделывать их фигурки из дерева, кости, камня и других материалов.

В Горбуновском торфянике, недалеко от Нижнего Тагила, на большой глубине вместе с каменными орудиями найдены деревянные фигурки, хорошо сохранившиеся в торфе. Они иногда до мелочей похожи на рисунки Писаного камня. Только резец древнего скульптора, обработавший кусок дерева со всех сторон, сделал их

еще более живыми. Те же лоси на высоких согнутых ногах, утки, человеческие фигурки.

При раскопках некоторых стоянок каменного века на Чусовой и Каме найдены каменные и глиняные фигурки медведя, бобра, рыбы, птиц. Это не были игрушки. Большинство их — амулеты, изображения предков рода, которые, по верованиям, охраняли сородичей от всяких бед и помогали им во всех делах.

На Писаном камне есть рисунки, сделанные и гораздо позже. В бронзовом веке искусство правдивого изображения природы сменяется схематизмом, более отвлеченным и обобщенным изображением. Особенно это заметно на фигурках самого человека. Художники каменного века рисовали его тщательно, выделяя голову, руки, ноги, причем каждая из фигур имела свое особое положение. Одна рука уперта в бок, другая опущена. Одна нога прямая, другая поднята в шаг. Человек идет вперед, держа руку на поясе.

И вот тот же человек, нарисованный позднее. Грубый силуэт без ног. На месте головы — небольшой отросток. Две линии от отростка изображают руки... Трудно уже узнать и лосей в странных двуногих вытянутых фигурах.

Люди бронзового века были, очевидно, потомками местных охотников каменного века. Они рисовали иногда рядом с древними изображениями, а иногда вклинивали свои рисунки в промежутки между ними.

А вот уже другая краска, другие образы, другая маюра письма. Светло-красные угловатые фигурки птиц с раскрытыми крыльями. Птица с большим человеческим лицом на груди и рядом — какие-то непонятные линии, значки.

Фигурки птиц с человеческим лицом археологам хорошо известны. Такие фигурки, сделанные из меди, часто встречаются при раскопках жертвенных мест и могильников людей раннего железного века.

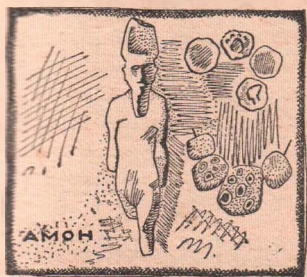
Одна такая фигурка была найдена рядом с Писаным камнем, в Темной пещере в камне Бычок, о котором мы уже говорили выше. Темная пещера полностью оправдывает свое название: она большая и мрачная, с нависшими сырыми сводами. В глубине ее у стенки прямо на поверхности была найдена странная медная фигурка. Это и человек и птица вместе. От человека — глаза, нос, ноги. Но вместо рук — крылья, а на голове еще три человеческие фигуры, обрамленные сбоку птичьими.

Человек с крыльями — так, видимо, представляли себе вымышленного двойника — душу умершего — древние охотники раннего железного века. Но на рисунке на скале Писаного камня есть птица с лицом человека на груди. Очевидно, сначала наши предки считали, что душа превращается в птицу и сама улетает в неведомые края. Потом стали верить, что птица, особенно хищная, в своих когтях уносит человеческую душу.

Находка медного идола в пещере Темной очень пригодилась археологам. Похожие фигурки встречались при раскопках других древних памятников. Поэтому удалось установить время, когда нарисована третья группа писанцев. Это было около двух с половиной тысяч лет тому назад.

Так была расшифрована загадка вишерских писанцев. Точные копии их, повторенные в красках, висят теперь в залах краеведческого музея и университетского музея археологии Прикамья в Перми. Бывший учитель стал известным археологом и работает в Уральском университете, в Свердловске. Он написал интересную статью о писанцах, которая напечатана в московском научном журнале.

И до сих пор все проезжающие по Вишере мимо Писаного камня могут видеть странные красные фигуры, смотрящие на нас из глубины тысячелетий.

Могут ли вещи путешествовать? Сами по себе, конечно, нет. Ну, а если их берут с собой люди? Могут, и иногда очень далеко.

В залах музея лежат под стеклом массивные персидские блюда, легкие арабские тарелки с затейливым рисунком, в котором лишь специалист прочитает целые пышные фразы,

тяжелые византийские кубки, тонкие, как лепесток, монеты с ликами бородатых царей, застывшие смоляными каплями гроздь янтарных бус.

А вот и другие, не менее интересные, вещи: широкие гнутые браслеты с чеканным узором, маленькие медные крестики с желтыми пятнышками эмали на концах, розовые каменные колесики с резкими гранями. Это изделия искусных древнерусских ремесленников, издавна попавшие в северный лесной край.

О каждой из этих вещей можно рассказать интересную историю. Будут в этих историях богатые залы персидских царей и мастерские арабов-чеканщиков серебряной посуды, лавки византийских купцов и кибитки кочевников-скифов. Выйдут из дымки далекого прошлого медленно бредущие караваны с угрюмыми молчаливыми погонщиками, бородатые купцы на стройных тонконогих скакунах. И пойдут они через многие города и страны, реки, степи и леса...

Вот этот византийский кубок проделал громадный путь: от мастерской чеканщика в бурку кавказского горца, а из нее — в суму за седлом кочевого алана — потомка древних сармат, живших на Кубани и в Прикаспии.

Аланский военачальник променял его на скот болгарам, жившим на Средней Волге. А те отдали его за драгоценный мех соболя охотникам северных лесов, спустившимся с Камы на Волгу. Долгое время хранился он в лесном святилище. После набега южных соседей племя ушло на другое место. Святилище было заброшено, и кубок остался на земле. Несколько веков спустя колхозный тракторист снял его с лемеха плуга и отвез в музей, где с уважением и интересом смотрят на него многочисленные посетители.

Эти вещи много раз переходили из рук в руки, перевозились на тысячи километров, пока не попадали в землю. Часть их была потеряна при быстрых перекочевках, другие — зарыты в минуту опасности, третьи — долго и бережно хранились в племенных святилищах, пока они не оказались заброшенными.

Некоторые из вещей подвергались переделке. На оборотной стороне персидского блюда с изображением пышной сцены царской охоты острым предметом нацарапаны другие рисунки. Безбородые люди в высоких треугольных шапках с луками в руках и колчанами стрел на поясе. Вокруг них — фигурки медведей, лосей и других таежных обитателей. На изделие далекого чужеземца местный мастер нанес образы более близкие и понятные племени, к которому он принадлежал.

Вещи, о которых мы сейчас говорим, сразу могут привлечь внимание посетителей музея. О них написано много книг и научных статей, изданы прекрасные альбомы фотографий и рисунков.

Но есть в музее еще одна вещь, которая не бросается в глаза. При беглом осмотре посетители нередко проходят мимо, не замечая ее. В витрине эффектно выглядят крупные медные бляхи с чеканным узором, фигурки животных и всадников, связки красивых синих бус с белыми глазками. Не каждый обратит внимание на потемнев-

шую от времени небольшую сломанную фигурку в нижнем углу витрины со скромной этикеткой: «Бронзовая статуэтка бога Амона».

Внимательный посетитель удивится, прочитав этикетку. Как же так? Бог Амон? Да ведь... И встают забытые образы старого школьного учебника. Древний Египет, страна фараонов! Мумии, саркофаги и пирамиды. Но зачем эта статуэтка здесь, рядом с медными бляхами и наконечниками стрел? Как она попала в музей? Краткая надпись этикетки ничего не ответит на эти вопросы...

Многим богам поклонялись древние египтяне, но главным из них считался Амон — бог солнца, бог древней столицы Египта — города Фив. В честь его строились большие храмы. Тысячи рабов обрабатывали поля, посвященные этому богу, умножая богатства властных и могущественных жрецов.

Более трех тысяч трехсот лет тому назад один молодой фараон пытался заменить поклонение Амону, жрецы которого взяли в свои руки большую власть и вмешивались в дела фараонов, поклонением другому богу солнца — Атону. Подчеркивая свою приверженность новому божеству, фараон именовал себя Эхнатом («блеск Атона»). Но эта попытка кончилась неудачей. Преемник и зять Эхнатона восстановил культ Амона и изменил свое имя. Гробницу этого молодого фараона Тутанхамона ученые нашли и раскопали. Английский археолог Г. Картер рассказал о замечательных находках в известной книге «Гробница Тутанхамона», изданной и в нашей стране.

В честь Амона изготавливали массу его изображений-амулетов. Египтяне носили их с собой, надеясь на поддержку могущественного бога. Но их наивная вера была напрасна. Грозный бог верно служил только хозяевам — жрецам, фараонам и чиновникам, которые, поддерживая веру в него, еще сильнее угнетали крестьян и рабов.

Египет вел широкую торговлю с соседними странами. В городе Александрии в ремесленных мастерских изготавливались различные красивые вещи: бронзовые и фаянсовые амулеты с изображениями богов, в том числе и Амона, пастовые фигурки священных животных, особенно часто — лежащих львов, печати в форме священных жуков-скарабеев с надписями-иероглифами на брюшке. Далеко за пределами страны славилась позолоченная александрийские бусы. Купеческие корабли, пристававшие в Александрии, развозили эти вещи по всему свету — в города Ближнего Востока, в Западную Европу, в причерноморские земли.

На северных берегах Черного моря в это время возвышались стены греческих колоний. Предприимчивые уроженцы Эллады смело пускались в далекое плавание по бурному Понту Эвксинскому (так называли тогда Черное море) и высаживались на его берегах, основывая здесь свои торжища, вскоре превратившиеся в цветущие города. Рабов и рыбу, зерно и вино, железо и кожи вывозили они на родину. А из Греции корабли везли на север мрамор, пряности, драгоценности и другие товары, в которых нуждались богатые рабовладельцы причерноморских колоний.

Греки основали свои колонии и на землях древнего Египта. Одна из них — Навкратис — была основным центром, через который продукция александрийских и других египетских ремесленников вывозилась в греческие города Северного Причерноморья: в богатую Ольвию в устье Днепро-Бугского лимана, в столицу Боспорского царства Пантикапей, на месте которого — современная Керчь, в Херсонес, развалины которого и сейчас сохранились на окраине Севастополя, в далекий Танаис, стоявший недалеко от впадения Дона в Азовское море.

В степях Причерноморья кочевали воинственные скифы. Скифская знать иногда селилась в греческих горо-

дах, заставляла работать на себя рабов, училась жить на широкую ногу и охотно покупала роскошные заморские безделушки у расторопных греческих купцов. Скифы и сами вели торговлю со своими северными соседями, стараясь не допускать к ней греков, чтобы не потерять выгоды. Обменяв в Танаисе рабов и хороших коней на заморские и греческие товары, скифские купцы везли их вверх по Дону, затем сворачивали на восток — к Волге, переправлялись через нее и гнали свои караваны по степям дальше на север — к отрогам Южного Урала. Здесь они обменивали товары на драгоценную пушнину. Об этом торговом пути скифских купцов рассказал известный греческий ученый Геродот, посетивший цветущую Ольвию две с половиной тысячи лет назад.

Смелые скифские купцы пускались и в более далекие странствия. Их караваны поднимались вдоль отрогов Урала на север, снова выходили к Волге и по ее берегу добирались до другой великой реки, впадающей в Волгу. Там находили они покупателей своего товара — богатых вождей лесных племен, говоривших на непонятном языке. За железные клинки мечей, бронзовые трехгранные стрелы и заморские безделушки они давали скифам гораздо больше пушнины, чем их южные соседи.

Путь в северные леса был труден и опасен. Дорогу купцам преграждали враждебные племена, надеявшиеся поживиться товарами даром. Не один смельчак-купец складывал свою голову на чужбине или едва уносил ноги, ограбленный до нитки.

Недаром на древних кладбищах лесных прикамских племен археологи находят золоченые александрийские бусы, египетские печати-скарабеи, голубые фаянсовые подвески с лежащими львами, скифские мечи и стрелы, обрывки драгоценных тканей. Их не так уж много, но эти находки помогают выяснить пути торговли могущественных скифов с далекими северными племенами. Больше

всего таких находок обнаружено в низовьях Камы, где находился, очевидно, центр местных племен. Богатые погребения в каменных ящиках, покрытых плитами с изображениями захороненных вождей, отличались здесь особой пышностью. Самые богатые древние кладбища этого времени были раскопаны у деревень Ананьино и Пьяный Бор. По этим находкам археологи выделили местные культуры лесных племен, сменяющие друг друга, и называли их ананьинской и пьяноборской.

Находка бронзовой статуэтки бога Амона была неожиданной, но далеко не единственной находкой подобного рода. Ученые вскоре смогли разгадать, как и когда попала она на берега далекой северной реки.

В 1918 году гражданская война охватила почти весь Урал. С востока к Перми двигались отборные колчаковские банды, сдерживаемые ослабевшими в боях красноармейскими отрядами. Один из сотрудников Пермского музея — Константинов — в это время выехал в очередную поездку в деревни, расположенные в низовьях Чусовой. Однажды, спустившись в овраг у деревни Конецгор к ручью, чтобы помыться, он увидел на другом берегу ручья странный предмет, торчащий из земли. По профессиональной привычке Константинов поднял этот предмет и обмыл в ручье. В руках его оказалась небольшая фигурка человека в странном головном уборе.

Сотрудник музея привез свою находку в Пермь. Здесь уже было собрано много медных и бронзовых фигурок древних божков — идолов местных племен, живших в разных частях Прикамья. Поэтому на новую фигурку не обратили особого внимания. В толстой инвентарной книге появилась запись: чудской идол из деревни Конецгор. Да и не было времени заниматься изучением древностей. Вскоре белогвардейцам удалось занять Пермь. Музейные ценности были частично разграблены. Но скромная

медная фигурка пролежала в хранилище до лучших времен. Летом 1919 года Красная Армия выгнала колчаковцев из Перми. Музей вновь открылся для посетителей. Но среди его сотрудников не было ни одного, кто обратил бы внимание на конецгорскую находку.

Вскоре в Перми возобновил свою работу старейший на Урале университет. В его аудитории влились новые студенты, пришедшие с фронтов гражданской войны, от плугов и заводских станков. Появились и новые преподаватели. Среди них был молодой ученый из Петрограда, профессор Алексей Викторович Шмидт.

Алексей Викторович — ученик крупнейшего русского ученого-египтолога академика Б. А. Тураева. Под его руководством он работал над замечательными египетскими коллекциями Эрмитажа.

Молодой ученый не только читал лекции в университете, но и интересовался древней историей Прикамья. Он приводил в музей своих слушателей и учеников, разбирал с ними музейные коллекции. Вместе со студентами выезжал в окрестности Перми, где нашел несколько древних крепостей-городищ, обнесенных земляными валами. Студенты помогали ему собирать щербатые черепки с непонятными узорами, костяные наконечники стрел и другие вещи.

Однажды Алексей Викторович, как обычно, работал в хранилище. Развернув небольшой бумажный пакет, вскрикнул от удивления:

— Амон!

Он не поверил своим глазам. Египетский бог Амон! Шмидт посмотрел на инвентарный номер и стал быстро перелистывать толстую книгу поступлений. Может быть, это просто случайность? Бронзовую статуэтку кто-нибудь мог вывезти из Египта. Еще раньше в хранилище музея Шмидт нашел обломки саркофага, обрывки папирусов, ленты, пеленавшие мумию, и другие египетские вещи. Но

все они попали сюда не так давно. Местный коллекционер Пальников получил их в обмен за другие вещи от самого академика Тураева. А Тураеву их передали русские путешественники, вернувшиеся из Египта. Может быть, и статуэтка Амона из этой же коллекции Тураева — Пальникова?

В инвентарной книге Шмидт быстро нашел номер, под которым записана статуэтка, и прочитал: «Чудской медный идол. Найден у деревни Конецгор». Вот это уже было загадкой. Как попала статуэтка древнего египетского бога на берега Чусовой? Раньше такие находки в нашей стране встречались только на Украине и на Кавказе, да и то очень редко. Может быть, статуэтка была в чьей-нибудь коллекции и хозяин потерял ее? Но в это предположение трудно поверить. Конецгор — небольшая деревня, от города она довольно далеко. Статуэтка маленькая, сломанная и не может украсить коллекцию любителей древностей. Она интересует только специалиста-египтолога, знающего ей цену, а здесь нет ни одного человека, хорошо разбирающегося в египетских древностях.

Сомнения постепенно отпадали. Находка была подлинной, найденной в этих местах. Шмидт вспомнил сведения Геродота о торговле скифских купцов, находки египетских бус недалеко от Перми на древнем святилище у деревни Гляденово, сделанные пермским краеведом Н. Н. Новокрещенных. А статуэтка Амона? В каких условиях была найдена она? Скупая запись в инвентарной книге об этом умалчивала.

Еще и еще раз вглядывался Шмидт в статуэтку. Может быть, он ошибся и это не Амон? Нет, здесь не могло быть никаких сомнений. Опытный глаз египтолога сразу опознал обычное изображение фигуры этого бога. Прямо поставленное туловище, опущенные руки, левая нога выдвинута вперед. Спереди — обычная для египтян короткая юбочка-передник. На голове знаменитая корона Амо-

на с двумя высокими перьями и солнечным диском между ними. Правда, перья сильно обломаны, но зато диск хорошо виден. На подбородке — обычная для изображений Амона длинная привязанная борода. Фигурка долго пролежала в земле, потемнела, окислилась. У нее сломаны не только перья на короне, но и ноги.

Повернув статуэтку, Шмидт увидел небольшое ушко. Статуэтка была амулетом. Она подвешивалась на шнурке вместе с другими украшениями и входила в состав ожерелья. Сохранилось ли на месте находки хоть что-нибудь еще из этого ожерелья? Где потерян этот Амон — рядом с жилищами тех людей, что носили амулет, или где-нибудь в пути?

Все это нужно было проверить на месте. Шмидт вместе со студентом П. С. Поповым выехал в Конецгор.

Деревня стояла на высоком правом берегу Чусовой. На краю ее — глубокий овраг. За оврагом начинались поля, на которых зеленели полосы молодых всходов. Берег здесь был особенно крут, почти отвесен.

Археологи сошли с пригородного поезда на небольшом разъезде, перебрались на другой берег Чусовой — в деревню. Они заходили в дома, расспрашивая о сотруднике, нашедшем статуэтку, интересовались, не было ли других находок. Древняя старушка вспомнила, что человек из Перми заходил к ней пить молоко, расспрашивал про старину и показывал какого-то идола. Он нашел его на дне ручья, в овраге. Больше ничего узнать не удалось.

Шмидт и Попов прошли в конец деревни и спустились в овраг. Они внимательно, шаг за шагом осмотрели берега ручья, но ничего не нашли. Уже хотели вернуться обратно, но тут Алексей Викторович обратил внимание на темную глыбу земли, нависшую на верхнем краю оврага и готовую обвалиться. Из земли торчали какие-то кости. Откуда здесь такая жирная, черная почва? Ведь на огородах деревни почти везде только красная глина.

Студент и профессор вскарабкались на высокий край оврага и пошли по кромке распаханного поля. Шмидт нагнулся и поднял что-то. Потом еще и еще.

— Что это у вас, Алексей Викторович? — спросил студент.

— Черепки, — лаконично ответил Шмидт. А через некоторое время предложил: — Посмотрите внимательней, на что они похожи?

На обломках глиняного сосуда виднелись полоски, будто сделанные шнурком, ямочки и другие узоры.

— Приглядитесь, из чего они сделаны? — продолжал профессор.

Попов несмело повертел в руках черепок.

— В них какая-то порода примешана. По-моему, это ракушки.

— Вот именно, толченые ракушки. Мы с вами в музее перебирали много черепков из разных коллекций. Не кажется ли вам, что этот черепок похож на те, что вы видели?

Студент еще раз внимательно осмотрел черепок.

— А ведь верно, были похожие! Вот только никак не могу вспомнить из какого городища... Кажется, из Галкинского.

— Правильно. А знаете, где оно? Вон на том белом мысу. Помните, когда мы ехали из Левшино, этот мыс было очень хорошо видно. Там Чусовая впадает в Каму. А откуда здесь взялись такие же черепки, как и на Галкинском городище? Как вы думаете?

— Может быть, их принесли те люди, что жили на городище? Здесь ведь не так далеко.

— А зачем им понадобилось тащить за десять с лишком верст горшок и бить его здесь?

— Может быть, они здесь рыбу ловили и уху варили, — пошутил студент.

— Гм-м... может быть. Все может быть. Но давайте-

ка лучше походим по полю, поищем. Все, что найдете: кости, черепок, вещи — все собирайте, а потом мне покажете. Вы идите туда — к лесу, а я здесь — по краю.

Студент медленно шел по полю, подбирая черепки, угли, кости. Вдруг он заметил острую кость, торчащую из земли, нагнулся и вытащил наконечник стрелы.

— Алексей Викторович! — закричал Попов. — Смотрите, что я нашел!

Ответа, однако, не последовало. На краю поля никого не было. Где же профессор? Попов направился к берегу и вдруг услышал глухой стон. Он подбежал к обрыву, глянул вниз и увидел Шмидта, как-то странно сидящего почти у самой воды, на обвалившейся гряде земли.

— Алексей Викторович, что с вами? — крикнул Попов.

— Да, вот, знаете, оступился.

Попов осторожно спустился по обрывистому берегу и, взяв профессора под мышки, помог ему вскарабкаться на гору. На одну ногу Шмидт так и не мог приступить. Когда Попов усадил его на траву, он долго морщился, стараясь поудобней устроиться, и вдруг заявил:

— Понимаете, вы не правы. Это не просто битый горшок. Это целое селище. Смотрите, какой мощный слой. В нем я нашел не только черепки, но и каменные песты, и даже наконечник. Он-то меня и подвел. Потянул его — и вот...

— Алексей Викторович, а я тоже... — И студент высыпал на траву содержимое карманов.

— Ого, тоже наконечник! У меня был лучше, но он, кажется, упал в реку. Вот отсижусь немножко, и мы с вами пойдем потихонечку. Только палку бы мне. Сходите в лес, поищите там что-нибудь подходящее, а я пока посмотрю, что вы насобирали.

Студент вернулся с грубо обструганной палкой и подал ее профессору. Тот поблагодарил и тут же сказал:

— Ну вот, теперь мне все ясно. Статуэтку Амона нашли на правом берегу ручья, не так ли? И на правом же краю оврага мы с вами видели черную глыбу с костями. Здесь на поле мы тоже нашли много всякой всячины. Культурный слой здесь, как видите, идет по всему этому уступу берега. И, обратите внимание, он довольно толстый. Место здесь очень удобное для жилья. Река, крутой берег для защиты; рядом, очевидно, были поля. Городище это — крепость. От русского «городить», «загораживать». Оно ограждено валом и рвом. А здесь этого нет, хотя место тоже высокое. Здесь была просто деревня-селище. В минуту опасности жители ее могли уйти и спрятаться за валами Галкинского городища. И не только сами, но и скот угнать. Чья это кость?

— Не знаю, Алексей Викторович!

— Эх вы, деревенский житель! стыдно. В бабки-то, наверное, играли? Это коровья бабка. Ну, а это, по-вашему, чей зуб?

— Кажется, лошадиный.

— Верно. А этот?

— Не знаю.

— Это клык медведя, да еще с дырочкой. Очевидно, амулет. Ну ладно, собирайте их и заверните в газету, да не забудьте написать этикетку.

Студент сложил найденные вещи в газету и начал писать на маленьком листке бумаги.

— Алексей Викторович, — спросил он, — а какая это культура?

— Эти вещи относятся к ананьинской культуре. Помните, она названа по Ананьинскому могильнику около Елабуги. Ну, а дату этой культуры вы, наверное, и сами вспомните.

— Первое тысячелетие до нашей эры.

— Совершенно верно. Вот теперь я вижу, что недавно мы с вами в музее столько просидели.

— Я, Алексей Викторович, статью Невоструева читал о раскопках этого могильника. Вот и вспомнилось. Это же скифское время.

— Да, вот именно, скифское время; здесь без скифов не обошлось, — задумчиво проговорил профессор.

— Это вы о чем, Алексей Викторович?

— Да все о том же, об Амоне. Статуэтку нашли на берегу ручья, как мы с вами установили. Около ручья находится селище ананьинской культуры. Вероятнее всего, статуэтка попала в ручей из обвалившегося культурного слоя.

Ну... и дальше. Селище относится к первому тысячелетию до нашей эры, к тому времени, когда на юге жили скифы. Статуэтка Амона, судя по технике изготовления и стилю, сделана при правлении в Египте династии Птолемеев, а они правили с конца четвертого по первый век до нашей эры.

Привез ее какой-нибудь скифский купец... Нет, пожалуй, скорее не сам купец забрался в такую глушь. Ананьинские племена жили не только на Галкинском городище и этом селище, назовем его Конецгорским. Самые богатые их памятники найдены в низовьях Камы. Кстати, не помните, есть ли в Ананьинском могильнике находки местного происхождения?

— Есть, Алексей Викторович. Скифские наконечники стрел, мечи-акинаки, бусы. Да! Невоструев, ссылаясь на какого-то автора, считает их египетскими.

— И правильно делает. Я видел эти бусы. Они действительно египетские. Ну, вот вам и вся история этого Амона. На далеких берегах Нила отлил его египетский ремесленник и продал греческому купцу из Навкратиса вместе с другими такими же амулетами и бусами. Купец на своем корабле увез его в Пантикапей или, скорее, в Танаис. Там продал он статуэтки и бусы местным грекам, а ожерелье с амулетом Амона попало в руки скиф-

ского купца. Купец уложил его в седло вместе с наколочниками стрел и мечами и повез далеко на север, вдоль Волги. Добрался он до большого городища в дремучих лесах на Каме и отдал свой товар за прекрасных соболей и куниц вождю лесного племени.

После этого купец сел в лодку и поплыл обратно на Волгу, а ожерелье с бронзовым Амоном украсило парадную одежду вождя. Потом надоела ему эта непонятная фигурка. Непохожа она была на обычных медных идов. Косо смотрел на вождя шаман, упрекал, что навлечет он на себя за это кару лесных богов. Вырвал тогда вождь статуэтку из ожерелья и подарил одному из своих дружинников, отправлявшихся на север.

А там — или напало северное племя на посланцев вождя и сняли с убитого дружинника медную фигурку, или сам дружинник подарил ее северному соседу, желая избавиться от греховной вещи. И, может быть, потом этот подарок перешел в руки ребятишек. Поиграли они фигуркой и бросили ее на краю оврага.

Прошло много времени. Статуэтка Амона заплывала сверху землей, смытой дождями. Ушли люди древнего рода на другое место, запустела их деревня, поросло ее место травой.

Прошли еще сотни лет. Ветер и дождь сделали маленький овраг большим. Края его обрушивались, ручей размывал глыбы, уносил в Чусовую. Однажды рухнула и та глыба, где лежала статуэтка. Ручей вымыл ее. Ну, а дальше вы уже все знаете сами. Конечно, многое из того, что я вам рассказал, догадки, но очень вероятные. Ну, а теперь помогите мне встать и пойти к лодке. Пора домой!

— А как теперь селище?

— На нем нужно вести раскопки. Я слышал, что к нам собираются столичные археологи. Постараюсь заинтересовать их этим местом.

Студент и профессор спустились к реке, вызвали перевозчика и сели в лодку. Вечерние лучи солнца окрасили лес за деревней и пашню малиновым светом заката. Обрыв берега, хранивший когда-то статуэтку Амона, чернел мрачной кручей над быстрой рябью уральской реки.

С тех пор прошло более сорока лет. Алексей Викторович Шмидт за время работы в Перми открыл и раскопал несколько новых интересных памятников далекого прошлого. Потом он уехал в Ленинград, но еще не раз приезжал на раскопки в Прикамье, возглавляя Камскую археологическую экспедицию Академии наук. Работал он также в Башкирии и других местах Урала. Умер в 1935 году.

Открытое им Конецгорское селище было раскопано другим советским археологом — Анной Васильевной Збруевой. Она нашла остатки древнего поселка. Здесь некогда стояли длинные углубленные в землю дома. В поселке жили люди одного рода. Они уже умели добывать железо, искусно обрабатывали кость, рыхлили костяными и бронзовыми мотыгами поля под посев, растирали зерно на каменных зернотерках. Об истории племен ананьинской культуры Анна Васильевна написала большую интересную книгу, за которую ей была присвоена ученая степень доктора исторических наук.

А остатки древнего селища, на котором была найдена бронзовая статуэтка бога Амона, и сейчас высятся на берегу Чусовой. Волны Камского моря бьют в глинистую кручу берега и уносят обвалившиеся глыбы земли.

...Бронзовая статуэтка Амона смотрит круглыми глазами на посетителей музея и как бы вспоминает о своем давнем путешествии с берегов голубого Нила в далекий лесной край.

Был жаркий июньский полдень. В воздухе чувствовалась томительная тяжесть. Тучи мелкой пыли, поднятые тремя десятками лопат, оседали на лицах и спинах рабочих, окрашивая их в грязновато-серый цвет.

Раскопки городища были в самом разгаре. Вдоль высокого вала работали полуголые люди. Они, налегая всем телом на лопаты, срезали слой темной задубевшей почвы, просматривали внимательно каждую кучу земли и затем резкими движениями отбрасывали ее. Рядом с древним валом медленно рос второй — свежий. Найденные вещи аккуратно укладывали на листы оберточной бумаги. Временами в разных концах раскопа вспыхивал звонкий смех, доносились возбужденные голоса спорщиков, затем снова ненадолго наступало молчание.

В разговорах то и дело повторялись слова «сессия», «общежитие», «стипешка». Раскопки вели студенты, главным образом первокурсники, лишь недавно окунувшиеся в бурные волны вузовской жизни. Неделю назад они еще корпели над учебниками, сдавали экзамены. А сейчас, увлеченные руководителями археологической экспедиции, поехали на раскопки древнего городища за добрую сотню километров от областного центра. Среди них были и «ветераны» раскопок — старшекурсники. Их сразу можно отличить от робких первокурсников по солидному поучающему тону, по веселым рассказам о разных случаях, бывавших в прошлогодних экспедициях.

Особую группу составляли несколько «эмэнэсов» —

как звали их студенты, — что в переводе на обычный русский язык значило: младшие научные сотрудники. Это тоже были студенты, но уже старшекурсники, не первый год работавшие на раскопках и посвятившие любимому делу не только летнее время, но и длинные зимние вечера, когда в лаборатории разбирали и изучали вещи, привезенные с раскопок. Некоторые из них уже стали авторами хотя и небольших, но самостоятельных исследований: курсовых и дипломных работ и даже статей в научных журналах.

Сейчас «эмэнэсы» были вооружены остро отточенными карандашами, фотоаппаратами и четко разграфленными схемами. Они внимательно осматривали каждую находку, извлеченную из земли, рисовали на схеме замысловатые очертания пятен и линий, измеряя их деревянными складными метрами, важно записывая что-то в клеенчатые тетради.

Иногда они подавали команду: «Зачистка!» Тогда рабочие начинали добросовестно скрести лопатами поверхность раскопа, доводя ее до ровности танцевальной площадки. «Эмэнэсы» тоже брались за лопаты, подчищая очертания какой-нибудь ямы и личным примером показывая новичкам, как нужно вести зачистку. Когда была достигнута нужная чистота, рабочие покидали раскоп и начинали отбрасывать скопившуюся на его краях землю. «Эмэнэсы» разворачивали свои схемы и цветными карандашами рисовали, или — как это звучало более научно — фиксировали, все, что было видно на зачищенной площадке.

Работу «эмэнэсов» контролировал начальник отряда — руководитель раскопок. Он тоже следил за ходом работ и находками, проверял качество зачистки, рисовал схемы. Иногда лопатой, ножом и кисточкой расчищал неясные очертания, помогая «эмэнэсам» разобраться в путанице пятен и полос. Руководитель раскопок тоже

был молод. Лишь несколько лет назад он окончил исторический факультет университета. Однако за плечами у него уже значительный опыт. Еще учась на последнем курсе, он получил право на самостоятельные раскопки по так называемому открытому листу, выдаваемому Институтом археологии Академии наук.

Хотя находок попадалось много, никто не кричал, оповещая о них товарищей и начальство. Всех разморил зной. Да и привыкли уже ко многим находкам за полмесяца работы.

На каждом участке лежала куча костей, черепков, древних вещей. Среди них были и так называемые особые находки — наиболее интересные. Они лежали на отдельных кусочках бумаги, и когда на участке полностью снимали один слой, упаковщики заворачивали их в отдельные пакеты с особыми этикетками, на которых указывали слой, участок и глубину находки.

И в этот день среди «особых» было немало интересных вещей. Крупная бляха, в центре которой поблескивает матово-красный граненый сердолик. Покрытая красивым резным рисунком костяная ложечка с тонкой ручкой, оплавленная глиняная чашка — тигель, обломок железной мотыги.

С края раскопа раздался бодрый призывный крик:

— Пере-ку-ур!

Вмиг лопаты полетели в стороны и буйная полуголая ватага кубарем скатилась с крутого склона к реке. Крик, шум, хохот, брызги! На спокойной глади реки замаячили круглые полавки нескольких голов. У берега — визг и булканье. Это учатся те, кто еще не умеет плавать.

С раскопа снова доносится тот же голос:

— Конец перекура!

Собственно, курить почти никто и не думал. Но команда зовет на работу. Купающиеся у берега делают вид, что не слышат неприятного сигнала. Он повторяется уже

громче, с надрывом. Медленно и неохотно вылезают работники из воды и покорно бредут в гору.

Юноши, заплывшие далеко в реку, не торопятся с возвращением. «Эмэнэсы» нервничают. Одна из них, плотная рыжеватая дивчина с закрученной на голове косой, стоит по пояс в воде и грозно увещевает нарушителей порядка. Те отделиваются шутками, но, увидев на склоне фигуру начальника отряда, направляются к берегу. Обдав своего «эмэнэса» кучей брызг, они быстро взбираются по крутому склону. Когда строгая дивчина поднимается на раскоп, все уже прилежно скребут лопатами. Работа продолжается.

На участке, который раскапывает невысокий вихрастый паренек, начальник отряда склоняется над кучей находок. Он рассматривает каждый черепок, каждую кость, каждый комочек обожженной глины. В руках его оказывается небольшой цилиндрический костяной предмет со сквозным отверстием. Опять рукоятка! Уже не первая в этот день. Сколько же их делали древние косторезы?

Широкой легкой кистью счищает он землю, приставшую к рукоятке, и уже хочет положить ее обратно на бумагу, как вдруг замечает странные царапины. Что это? Просто проба ножа или удар лопатой? Еще раз прогуливается кисть по рукоятке — и на ней появляется сетка из перекрещивающихся линий... Фигурка? Да, фигурка какого-то странного животного... Ломаная линия. Рисунок.

— Юра, где ты нашел эту рукоятку?

— Что-то не помню.. А-а, вы ее вычистили, я и не узнал сразу. Вот здесь, в углу, в начале второго горизонта.

— Так. Посмотри, что это такое?

Студент взял рукоятку.

— О, да тут какие-то рисунки. Как это я не заметил?!

Уже не первую такую нахожу и ничего подобного не было.

— Я ведь говорил вам, что каждую вещь нужно осматривать внимательно. Здесь почти все костяные предметы украшены орнаментом. На некоторых есть тамги — значки, которыми владельцы метили свою собственность. Мы берем их в особые находки. А эта рукоятка могла попасть в число обычных, и мы бы ее не очень скоро нашли даже в лаборатории.

— Виноват, Владимир Петрович. Не знаю, как и получилось. Все смотрел внимательно. А тут — жара, поленился почистить...

Разговор услышали и другие студенты, работавшие по соседству. Сначала они просто прислушивались, а потом воткнули лопаты в землю и подошли ближе.

— Покажите, Владимир Петрович!

— Ой, тут что-то нарисовано!

— Похоже на собаку, и вроде змея, и какая-то решетка.

— Да, похоже. Но тут и еще какие-то значки. Можно предположить, что это не просто отдельные рисунки, а целая картина.

— А что она может значить?

— Не знаю пока, надо посмотреть внимательнее, подумать.

— Владимир Петрович, а вы видели еще где-нибудь такие рисунки?

— Нет, первая такая находка. На костяных вещах часто встречаются узоры. Но это, как правило, просто орнамент, а здесь в рисунки явно вложен какой-то смысл.

Владимир Петрович поднялся на гребень древнего вала. Уже третье лето шли раскопки этого большого городища на берегу Иньвы около села Кыласово. Много было найдено здесь интересного: обугленные срубы древних жилищ, глубокие ямы с остатками зерна, куз-

ницы с железными наковальнями, каменные горны для плавки металла. На городище, судя по этим находкам, жили ремесленники. В этом году у вала наткнулись на глубокий колодец, со дна которого из грязной жижи вытащили сплющенное бронзовое ведро. Находили здесь и тонкие серебряные арабские монеты, а в этом году нашли медную монету, выбитую в средневековом Хорезме. Монеты передали специалистам-нумизматам. По их заключению, можно было сказать, что жизнь на городище протекала почти четыре века и закончилась более пяти-сот лет назад.

Да, много было найдено интересного... Но вот вещь с рисунком попала впервые. Было над чем подумать, мысленно обратившись в далекое прошлое. Что же изобразил древний художник на простой костяной рукоятке обычного ножа?

Вечером, после ужина, когда сгустились сумерки, почти все, как обычно, собрались у костра на краю села. Внизу белела светлая лента реки, над которой хлопьями поднимался редкий туман. Коренастый сухощавый юноша неторопливо перебирал струны гитары, и ее звуки были едва слышны, заглушенные голосами певцов. Пели «Глобус», «Николу святого», экспедиционную «Урабунну», а потом перешли к более тихим и задумчивым. Владимир Петрович сидел у костра и пел вместе со всеми. Потом песня как-то выдохлась и затихла.

— Владимир Петрович! Почему эту речку называли Иньвой? — спросил один из студентов.

— Кто его знает... А впрочем... Это, пожалуй, можно попробовать объяснить. Название нерусское. Оно хорошо переводится с коми-пермяцкого языка: «инь» — женщина, «ва» — вода, река. Смысл названия довольно странный — «женская река». Это можно связать с одним интересным коми-пермяцким преданием...

— Подробно я его сейчас не вспомню. Но, кажется,

так... Был у древних коми-пермяков богатырь. Звали его Кудым-Ош. «Ош» по-коми значит — медведь. Был он таким же могучим, как хозяин тайги. Много сделал добра для своего народа Кудым-Ош. Достал небесный огонь, научил ковать железо, защищать валами и частоколом деревни и сам построил себе городище в верховьях реки, которую потом называли Иньвой. Там, где он, говорят, жил, городище сохранилось и поныне. На нем стоит сейчас город Кудымкар. «Кар» по-коми — городище, город. Так и называется сейчас этот город Кудыма. И городище действительно есть — на Красной горке, почти в центре города. Мне там приходилось копать несколько лет назад. Ну, это так, между прочим.

— Задумал Кудым-Ош жениться. Долго искал себе невесту среди женщин своего народа, и ни одна из них ему не понравилась. Дошел до него слух, что далеко на севере, где поднялись Уральские горы, живет красавица вогулка (так тогда называли людей народа манси). Решил Кудым-Ош посмотреть на нее. Долго отговаривали его старейшины и дружинники, но ничего не могло удержать богатыря. Собрался он и с верными друзьями пустился в дальний путь. Долог был этот путь и полон всяких опасностей. Но нашел Кудым-Ош красавицу вогулку, и полюбил ее, и взял себе в жены. Радостный вернулся с молодой женой и верными друзьями в лодках и провез жену по спокойной реке к своему родному городищу. Долго они жили в мире и согласии. А реку, по которой провез Кудым-Ош свою жену, говорят, с тех пор и называли Иньвой.

— Интересно, а что тогда было на нашем городище?

— И здесь тогда жили предки коми-пермяков. Находки на нашем городище очень похожи на те, что нашли в Кудымкаре.

— Почему же городище называется Кыласовским?

— Это название ему дали уже позднее, когда здесь

возникло село Кыласово, а название села пошло от фамилии Кыласовых, что здесь поселились. Еще до возникновения села здесь была поставлена маленькая русская деревенька. Остатки ее сохранились и сейчас: это та часть села, которую называют Старым посадом.

В древних писцовых книгах, составленных больше трехсот лет назад, рядом с русской деревенькой упоминается городище Анюшкар. «Кар» — это понятно: городище, а кто такой был Анюш, мы не знаем. Таким образом, настоящее название городища, которое мы копаем, — городище Анюша. Может быть, Анюш — один из дружинников Кудым-Оша, может быть, — его родич.

— Интересно бы все-таки посмотреть на наше городище, каким оно было тогда?

— Что ж, после наших раскопок это можно сделать, если немного добавить фантазии...

Наше городище стоит в устье Иньвы — за пять километров от него. Оно большое и сильно укреплено. Дальше по Иньве идут остатки селищ — деревень. Городище защищало все эти деревни от внезапного нападения врагов. На краю мыса в прошлом году мы нашли круглые ямки от столбов. Такие же ямки шли и по склонам, и по верху вала. Это значит, что частокол из толстых бревен защищал городище со всех сторон. Прибавьте к этому крутые склоны, вал и глубокий ров, который мы нашли в траншее. Получится крепость, по тем временам почти неприступная. Войти в нее можно было лишь с западного, пологого склона. Здесь в частоколе был проход, который запирали изнутри. Если бы нас впустили в него, то мы сразу бы попали на улицу. Да! Это была целая улица невысоких деревянных изб с берестяными крышами. К каждой избе примыкал небольшой огород или маленькое поле. Здесь росли рожь, ячмень, овес и горох. Рядом с полем в загородках мычали коровы, блеяли овцы и слышался храп лошадей. А на краю по-

селка, у вала, были видны отблески пламени и раздавались глухие металлические удары. Там стояли кузницы и горны для плавки металла. Рядом с ними из земли поднимался невысокий сруб колодца и торчал конец длинного шеста, к которому привязывали ведро.

Если бы мы зашли в ближайшую избу, через крышу которой сочилась узкая струйка дыма, то не сразу бы разглядели ее внутри. В дальнем углу у стены стояла небольшая глиняная печка, и дым из нее, поднимаясь вверх, выходил через крышу. Это была «черная изба», и стены в ней были черными от сажи и копоти, осевших на них. Вдоль стен тянулись широкие нары, где была сложена одежда и шкуры, которыми укрывались на ночь. В центре избы на высоких толстых столбах, подпиравших крышу, развешивалась одежда и сбруя. Да, забыл. Сначала мы попали бы не прямо в избу, а в небольшие сени. В них складывали инструменты и орудия: железные мотыжки — куштань, длинные луки и колчаны. А на изгороди поля была брошена деревянная соха с железными наральниками.

У здешних жителей, конечно, не было таких домов, как у нас — с газом и электричеством. Но в деревянных избах жилось удобнее и теплее, чем в землянках, в которых обитали предки этих людей. И люди, населявшие это городище, не были такими отсталыми, как это может показаться. Они искусно охотились и добывали столько ценных мехов, что и сейчас бы им позавидовали наши охотники. Мастера-литейщики отливали прекрасные украшения, в которых щеголяли местные модницы. Кузнецы ковали хорошие мечи, сошники и другие нужные в хозяйстве вещи. Тяжелым был труд этих людей. Но они упорно добивались своего и жили лучше, чем их предки.

— Владимир Петрович, а что это за рисунок, который сегодня нашел Юра?

— Рисунок этот очень интересен. Правда, может

быть, и не все на нем изображено так, как мне кажется, но, пожалуй, его можно понять.

Рукоятка найдена на городище, и рисунки на ней сделаны кем-то из его жителей. Было это давно, лет семьсот назад. Жил в поселке хороший мастер. Делал он из упругой кости красивые вещи, которые выменивали у него жители этого поселка. Вернувшись с дальнего поля, вечером, при свете огня в печи, доставал из горшка распаренные куски рога и коротким острым ножом превращал их в тонкие гребни, красивые ложки или круглые рукоятки. Поутру приносил из сеней деревянный нехитрый станок, вставлял заготовки рукояток в пазы стоек и, подергивая кожаной тетивой лука, заставлял их крутиться и ровно обтачивал ножом со всех сторон. На том же станке он вытачивал красивые бусы, покрывал их узором из прямых, ровных линий. А потом брал в руки шило и сверлил отверстия в рукоятках и бусах.

Однажды он был в очень хорошем настроении. Он закончил убирать хлеб со своего поля. Стоял тихий вечер. Солнце клонилось к закату, обливая луга неярким светом. Мастер вышел из ворот городища и присел на траву под кручей берега.

Вдали текла Иньва, зеленели луга. По лугу бродила уставшая за день лошадь. За валом городища желтело свежееубранное поле... И раньше мастер украшал сложными узорами вещи, которые шли на продажу. Но тут проснулось в нем чувство художника, очарованного знакомой картиной родного края. Захотелось вырезать эту картину для себя.

В кармане он нащупал нож и уже готовую костяную рукоятку. Положив рукоять на колени и прижав ее пальцами, быстро стал наносить ножом увиденную картину.

Первой он вырезал лошадь. Это, конечно, лошадь, а не собака. Широкая морда, грива и хвост, опущенный

книзу. Точно так же рисовали лошадь сибирские племена на своих камнях-писанцах. Лошадей на Анюшкаре было много, и их любили изображать. Вспомните медные подвески с головками коней, фигурки коней на костяных гребнях.

Среди костей, которые мы здесь нашли, костей лошади очень много. Часто они раздроблены: лошадей ели. В нижнем слое раздробленных костей больше, в верхнем — меньше: лошадь стала ходить в сохе. Среди раздробленных костей большинство принадлежит старым лошадям. Молодые лошади работали в поле. Старых и дряхлых забивали на мясо. Поле, обработанное лошадью, запряженной в соху, давало большой урожай. Конский навоз шел на удобрение. В хозяйстве земледельца лошадь заняла главное место среди других животных.

Ниже фигурки лошади мастер вырезал ломаную линию. Это не змея, это река. Помните рисунок Вишеры на Писаном камне? Похоже, не правда ли? По обеим сторонам реки вырезаны пучки из трех расходящихся линий. Очевидно, это трава на пойменных лугах около Иньвы. Место здесь ровное, и мастер подчеркнул это короткими прямыми штрихами сбоку.

А вот что это за решетка между лугами? Понять, что она изображает, — труднее всего. Очень похожие рисунки есть в Сибири на большом писанце у деревни Бояры. Там таким способом была нарисована обработанная земля. Возможно, и здесь мастер нарисовал пашню. Таким образом, картина на рукоятке получилась очень похожей на то, что древний житель мог видеть со своего городища.

— Владимир Петрович, а мы долго еще здесь будем работать?

— В этом году мы не успеем закончить раскопки. Закончим их будущим летом. Все городище раскапывать

не будем, да это и не нужно. Сейчас мы уже много знаем о жизни его обитателей. Может быть, через несколько лет раскопки будут вестись более совершенно, чем сейчас. Будущие археологи смогут проверить, правильно ли мы поняли то, что раскопали, смогут проверить наши выводы.

— А как же Камское море? Оно ведь должно залить городище?

— Нет. Вода здесь, конечно, поднимется высоко и подойдет к самому краю наших раскопок. Но она будет размывать только этот склон — поэтому мы и ведем здесь раскопки. Иначе, если опоздать, эта часть городища навсегда погибнет для науки.

Прошло несколько лет. Владимиру Петровичу пришлось еще раз побывать на городище Анюшкар. Речной трамвайчик быстро бежал по Иньве. Вот появилась знакомая полоса высокого вала, висевшая сейчас над самой рекой...

Владимир Петрович приехал проверить место новой находки, которая поступила в музей из этого села. Целый день он провел в знакомых местах. Поездка оказалась удачной. Прямо на краю села нашлись остатки древнего кладбища-могильника. На нем хоронили своих умерших жители городища.

Кладбище позже разрушили огородами, и копать его не было смысла. Колхозники передали еще несколько вещей и костей, найденных в огородах. Среди них — один очень интересный предмет. Он был сделан из глины и по форме походил на яйцо. Сверху его покрывала тонкая зеленоватая пленка с коричневыми полосами. С обоих концов игрушечного яйца были проделаны круглые отверстия.

Такие яички-игрушки изготавливали ремесленники древнего Новгорода. Здесь его нашли впервые. Но это

далеко не единственная находка русских вещей на городище, которое населяли предки коми-пермяков. На городище Анюшкар находили пряслица — каменные грузики для веретена, сделанные из розового шифера, который есть только в одном месте в нашей стране — на Украине, около города Овруч. Там в раскопках были найдены остатки деревенских ремесленных мастерских, позднее уничтоженных татаро-монголами. Овручские пряслица торговцы-коробейники разносили по всей Руси. Их уносили с собой и русские крестьяне, переселявшиеся на восток.

На городище находили серебряные бусы и серьги русской работы, обломки русских горшков с линейным и волнистым рисунком, сделанных в отличие от местных на гончарном круге.

Многие русские вещи могли попасть сюда при торговле. Но как попала новгородская игрушка в могилу? Ведь в могилу обычно укладывали вещи привычные, которыми умерший пользовался при жизни. Кстати, вместе с игрушкой были найдены и русские бусы.

Может быть, на Анюшкаре жили уже не одни коми-пермяки? Сюда могли прийти и поселиться русские крестьяне из новгородских волостей. Русские летописи говорят о походах новгородцев на Урал в эти времена. Но, очевидно, русские были не только купцами и воинами, обиравшими местное население. Среди них были и крестьяне, уходившие на восток от притеснений князей и бояр. Поселившись вместе с мирными коми-пермяками, они научили своих новых односельчан лучше пахать и удобрять землю, делать горшки на кругу и сами учились у местных охотников добывать зверя.

Костяная рукоятка — лишь один из многих немых свидетелей прошлого, рассказывающих о людях, населявших наши края в далекой древности.

В Пермский университет пришло письмо из Кудымкара. Директор краеведческого музея Флор Павлович Буткевич писал, что недавно из деревни Плес Гайнского района в музей были доставлены интересные древние вещи. Их нашли вместе с костями человека на краю деревни. Директор просил осмотреть место находки

и произвести раскопки.

Вещи действительно были интересные: серебряный браслет, глиняный горшок с красивым узором, медные украшения — подвески с цепочками, наконечники стрел, бусы. В музей их привез монтер Л. В. Бычков, строивший на окраине далекой северной деревни трансформаторную будку. В траншее для заземления колхозники нашли кости человека. Заинтересовавшись, они расширили яму и выкопали еще несколько костей, в том числе череп, и вещи.

Еще до революции в окрестностях деревни Плес часто находили красивые медные украшения, замечательных чудских идолов, серебряные персидские блюда эпохи Сасанидов. Однако вещи, привезенные монтером, относились к более позднему времени, чем те, что были найдены до революции. В чем здесь дело? Может быть, все эти находки сделаны на месте древнего кладбища, на котором хоронили не одну сотню лет? А может быть, в районе деревни несколько древних памятников? Выяснить это можно было только на месте.

На самолете АН-2 археологи вылетели в районный центр Гайны, на севере Коми-Пермяцкого национального

округа. В тот же день сначала на самоходной барже, а затем пешком они добрались до места. Трансформаторная будка, где были сделаны находки, стояла на краю деревни, около самой дороги.

Остановились в крайнем доме. Гостеприимный, словоохотливый хозяин подробно, повторяясь, рассказал о находках. Потом побеседовали с бригадиром, колхозниками, что копали яму, и деревенскими ребятами-школьниками.

По рассказам старожил, древние вещи до революции находили не в самой деревне, а в лесу, километрах в полутора к востоку. Серебряные блюда выпаживали к северу от деревни на полях. Место за деревней, где поставили трансформаторную будку, с давних лет называлось могильником. Но почему его так называли, никто объяснить не мог. Никаких находок здесь раньше не было или о них уже забыли. Стало очевидным, что найден новый могильник, о котором раньше археологам ничего не было известно.

Деревня Плес очень старая. Она возникла около трехсот лет назад. Испокон веков здесь жили коми-пермяки. В конце семнадцатого века сюда пришли с верховьев Камы первые русские поселенцы. Многие из них породнились с местными жителями. В говоре, одежде и внешнем облике современных жителей деревни слились воедино черты обоих народов. Очевидно, местные жители рассказывали своим русским братьям, где раньше хоронили своих предков. А потом уже эти рассказы передавались из уст в уста, из поколения в поколение.

Вещи, очень похожие на те, что нашли около деревни, были хорошо известны археологам. Они часто встречались при раскопках поселений и могильников родановской культуры, выделенной М. В. Талицким как культура предков коми-пермяков. Однако когда старший из археологов в беседах со стариками сказал, что древнему

кладбищу около тысячи лет, ему вначале никто не поверил. Некоторые не верили даже, что это кладбище. Вещи казались очень похожими на те, которые еще и сейчас можно было встретить в деревне.

Старики говорили, что раньше здесь жила какая-то чужь. После прихода русских чудские люди ушли в леса, вырыли ямы-землянки. Когда русские подходили к ним, они рубили стойки своих землянок и засыпались землей. Кто были эти чудские люди, никто не знал, но многие места в окрестностях деревни и сейчас называют чудскими.

Через день к археологам присоединилась Люба Грибова, тогда студентка Московского университета, а сейчас научный сотрудник Коми филиала Академии наук. Она уже тогда специализировалась по изучению культуры и быта родного коми-пермяцкого народа. Особенно ее интересовала древняя религия коми — культ предков. Раскопки могильника, естественно, могли дать много интересного в этом отношении. Люба оставила свое село, где проводила каникулы, и приехала на раскопки. Как специалист-этнограф, хорошо знающий язык и культуру своего народа, она могла оказать существенную помощь археологам. Но, вопреки ее ожиданиям, в деревне уже забыли язык предков. Люди, очень похожие по внешнему виду и быту на коми-пермяков, говорили только по-русски.

Археологи взялись за лопаты и начали пробные раскопки. Местные жители сначала смотрели на это как на пустую забаву и не верили, что приезжие что-то найдут. Только любознательные ребята во все глаза следили за каждой выброшенной горстью земли.

Сначала ничего не попадалось — глина, глина и глина. Но вот в конце дня на поверхности глины, гладко срезанной лопатой, появились темные очертания длинной ямы. Измерив и зарисовав их, прокопали глубокие

канавки вокруг темного пятна и начали осторожно расчищать землю ножами и кисточками.

Из темной земли начали выступать кости, ржавые предметы и какая-то зелень. К заходу солнца могила была расчищена полностью.

На глубине меньше полуметра лежал вытянутый скелет человека. Сохранился он плохо: череп разрушился, зубы выпали, глазницы чуть поднимались над глиной. Вещей в могиле было мало. На черепе лежали мелкие круглые бляшки, которыми обшивался головной убор. У плеча — куча железных наконечников стрел. На поясе — пряжка и нож с истлевшей деревянной ручкой. В могиле был похоронен охотник-бедняк. Это стало особенно ясно после того, как два дня спустя раскопали могилу его богатого сородича.

Первую раскопанную могилу осмотрели несколько колхозников. Теперь они убедились, что это — древнее кладбище, а не просто свалка костей и вещей. Рано утром, уходя на работу, и поздно вечером, возвращаясь домой, они подолгу наблюдали за работой приезжих археологов. Старший археолог охотно показывал все находки. А их уже было немало. В одной могиле нашли тонкие серебряные арабские монеты с дырочками для подвешивания. Древняя модница носила их на шее, как украинское монисто, как украшения из монет на груди чувашских и башкирских женщин. Местные жители удивлялись тому, что в древности покойников закапывали очень неглубоко. Археолог рассказывал им, что раньше не было железных лопат, а грунт здесь очень тяжелый — почти сплошная щебенка. Ее и сейчас кое-где приходилось долбить ломом. Предки копали могилы маленькими железными мотыжками, похожими на местные куштань, которыми иногда еще и сейчас в деревнях окучивают картошку. Одни могилы были глубже — их копали летом, другие мельче — их рыли зимой, когда земля про-

мерзала и, чтобы ее разогреть, приходилось жечь костры. Небольшие угольки от этих костров находили в могилах.

Раньше люди верили, что после смерти душа умершего воскресает и на том свете должна работать, как и в жизни. Поэтому в могилу укладывали все, что нужно было для жизни и работы. Коми до сих пор называют могилу «мугорт» — земляной дом.

Чем дальше шли раскопки, тем больше было заметно, что умерших хоронили в особом порядке. Могилы располагались почти правильными рядами. Умерших укладывали головами на северо-запад и запад. Археологи знали, что в каждом ряду хоронили родственников — членов одной семьи. В семье в это время главную роль играли мужчины. Они рубили и выжигали лес под посевы, охотились, отражали нападения врагов. В мужских могилах лежали топоры, наконечники, мечи, кинжалы. Рядом с ними хоронили женщин — с глиняными горшками, кухонными ножами и в одежде с украшениями. Были и детские могилы. Мальчикам укладывали маленькие топоры и стрелы, девочкам — глиняные горшочки, ножички и украшения. Дети рано становились помощниками в семье. Однако женщины не были полностью порабощены мужчинами. Их хоронили в отдельных могилах как полноправных членов коллектива, рядом с детьми. В их могилах лежат не только украшения, но и орудия труда, иногда даже наконечники стрел. Женщины помогали мужчинам и на охоте.

Обряд захоронения на этом древнем кладбище был очень похож на старые обычаи коми. В Зюздинском районе Кировской области еще недавно, лет сто назад, коми-пермяки хоронили неглубоко, головой на север и запад, рядами, в деревянных колодах (остатки таких колод были найдены и на могильнике). В северных районах Коми-Пермяцкого округа в церковные праздники местные жи-

тели приходили на древние могильники, оставляли на них горшочки каши и поминали «чудских бабушек и дедушек».

Раскопки показали, что люди, хоронившие своих родственников на могильнике, уже не были равны по положению в обществе и богатству.

Однажды утром лопата археолога наткнулась на изогнутый железный предмет. «Наверное, серп», — решил старший. Могилу начали расчищать и расчищали весь день вчетвером — так много в ней было различных предметов.

Мужчина крупного роста был уложен вместе с оружием и рабочими инструментами. Сбоку скелета лежал длинный железный меч в серебряных ножнах с позолотой. Деревянная рукоятка также была украшена серебряными бляшками с рисунком. Через две серебряные скобы был продернут ремень, прикрепляющий меч к поясу. Рядом с мечом находился большой кинжал в медных ножнах. Около черепа мужчины лежали наконечник копья и грудка наконечников стрел. К поясу был подвешен боевой топор с узким лезвием и высоким обушком. Воина вооружили по тому времени, что называется, до зубов, одели на него железную кольчугу, обрывки колец которой сохранились под черепом. Сражался он, видимо, в конном строю. В могиле нашли железные стремяна и удила от уздечки. У ног стоял железный котелок — спутник походной жизни. Изогнутую дужку котелка сначала и приняли за серп.

Умерший был не только воином. С ним положили целый набор инструментов для работы по дереву, коже и металлу: стамеску, тесло, скобель, ложкарь, шило с костяной рукоятью и железный напильник. Кроме боевых наконечников стрел — узких, граненых, — в могиле лежали и охотничьи стрелы — плоские и широкие. Один наконечник был тупым: им легко было сбить белку или

соболя, не попортив шкурку. Другой — костяной — наконец оцетинился четырьмя железными когтями. Такая стрела наносила тяжелую рану и намертво впивалась в тело зверя.

Богата была и одежда воина. Серебряные подвески на висках, медные браслеты на локтях, серебряные бляшки на кожаном ремне пояса. Археологи раскопали, возможно, могилу главы богатой семьи, а может быть, и старейшины всего поселка. Скелет и вещи из этой могилы в том виде, как они лежали в земле, выставлены сейчас в зале Кудымкарского краеведческого музея.

В том же ряду могил были раскопаны два богатых женских погребения. Глиняные горшки, найденные в них, обычны для местных племен. А вот украшения резко отличались от тех, что нашли в других женских могилах. Серебряная шейная гривна — обруч, надевавшийся на шею, — и на ней три браслета из медной проволоки. Полые бронзовые фигурки уток с подвесками в виде плоских лапок. Граненые браслеты с узором в виде линии косых крестов (местные украшались обычно кружками).

Что же это за украшения? Откуда они могли попасть в северные леса? Уже вернувшись с раскопок и порывшись в книгах, археологи нашли рисунки совершенно таких же вещей, в большом числе найденных в могильниках древней мордвы на Волге.

В то время женщины носили украшения, характерные только для своего племени или союза племен. Древние коми-пермячки носили подвески с головками коньков, синие и желтые стеклянные бусы.

Очевидно, старейшина взял себе в жены женщину из далекой чужой земли, и ее похоронили рядом с ним. Тут же похоронили и ее дочь. Во второй могиле украшения были меньшими по размеру и, видимо, принадлежали девочке. Их похоронили в той одежде, в которой они привыкли ходить.

Разведочные раскопки были закончены. Археологи убедились, что древний могильник сохранился хорошо и его нужно раскопать полностью. Сделать вчетвером это было трудно, и большие раскопки отложили до следующего года.

Солнце медленно поднималось над узорчатой кромкой леса, взбежавшего на берег Камы. Обрывки тумана, разрываемые солнечными лучами, расползались в стороны. На невысоком уступе берега четко вырисовывались островерхие палатки — две зеленые по краям и одна белая — в центре.

Из крайней палатки вылезла невысокая девушка. Зябко ежась от утреннего холодка, она спустилась по земляным ступенькам в глубокую яму, покрытую досками и дерном. Через несколько минут вылезла из ямы, таща тяжелое ведро с картошкой. Засучив рукава клетчатой рубашки, дежурная палаточного городка спустилась на песчаную отмель и поставила ведро с картошкой к обрубку дерева, торчащему из воды. Наскоро умывшись, она начала быстро чистить картошку. Через полчаса ведро уже висело на перекладине и под ним весело потрескивал костер. На широком столе, сколоченном из досок, в две шеренги выстроились разноцветные миски, а в центре его высилась горка крупно порезанного крестьянского хлеба.

— Подъем! — пронеслась над палатками короткая призывная команда.

Тихо.

— Подъем!

Никакого впечатления. Лишь в крайней палатке что-то зашевелилось и глухо проворчало.

— Подъем! Ребята, вставайте! — вызывает дежурная...

Через час после подъема вооруженные лопатами жители палаток во главе со своим руководителем медленно

поднялись по тропинке в гору. В лагере остался один дежурный.

На вершине горы виднелись кучи вырытой глины. Здесь уже несколько дней группа студентов-историков проходила производственную практику на раскопках древнего могильника.

Работа шла быстро — в четырнадцать лопат. Ежедневно расчищали по нескольку могил. Каждый из студентов уже имел на счету «свою» расчищенную могилу, а некоторые и по нескольку.

Находок было много. В раскопанных могилах лежали останки воинов и тружеников. В одной могиле нашли большие железные клещи, маленький молоток и связку железных колец. Здесь лежал мастер-кузнец. А в другой был захоронен столяр с теслом, скобелем, стамеской и ложкарем; в третьей — литейщик, делавший украшения. Ему положили глиняную форму для отливок, оплавленный тигель, палочки меди и олова, связку медных колец для подвесок.

Раскопки помогли восстановить и то, как одевались эти люди, особенно женщины. В женских могилах много медных украшений. Когда они долго лежат в земле, то покрываются зеленоватой окисью. Эта окись пропитывает ткани, кожу и предохраняет их от разрушения.

Жители далекого севера шили одежду из домотканого холста и каких-то более тонких, очевидно привозных, тканей. Поверх платьев и рубашек надевали меховую одежду. На голове носили платки и меховые шапки, обшитые бляшками, на ногах — кожаные легкие сапожки.

Костюм женщины из зажиточной семьи был богат и тяжел. Женщины носили много украшений, чаще всего металлических. Серебряные подвески на ремешках на шапке, шумящие медные подвески на шее и груди (шумящими их называли потому, что на них было много медных цепочек, которые при ходьбе издавали металличе-

ский звон), бляшки, трубочки-пронизки, бляхи на поясе, браслеты на локтях. На пальцах блестели серебряные перстни.

Между могилами были вырыты ямы. В них стояли горшки с остатками размолотого зерна и лежали раздробленные кости. Это остатки поминок по умершим. Живые приносили эту пищу, надеясь, что подкормят души умерших родичей.

Далекие предки не умели писать и не могли сами рассказать потомкам, кто они были и чем занимались. Чтобы написать их историю, археологам пришлось заставить предков встать из своих древних могил. Раскопки дали возможность узнать, что в этом глухом краю больше тысячи лет тому назад жила небольшая группа людей. Поселились они здесь еще в шестом веке. Это время можно определить по самой древней сасанидской монете, найденной на могильнике. А продолжали жить до десятого века — поздние монеты принадлежали арабской династии Омейядов восьмого века и Саманидов десятого века. На могильнике хоронили в течение почти пяти веков.

Но где жили те, кто хоронил своих родичей на случайно обнаруженном могильнике? Студенты и их руководитель очень долго искали древнее поселение в ближайших окрестностях, но ничего не нашли. Возможно, что место древнего селения было разрушено пахотой или размыто дождями. Правда, в четырех километрах от могильника, тоже на берегу Камы, у деревни Усть-Чикурья, нашли остатки древнего селища. На нем обнаружили точно такие же черепки, какие находили в самых поздних могилах. Люди, жившие на этом селище, были в какой-то степени родня тем, что хоронили на могильнике, а может быть, и сами хоронили на нем.

В этом далеком лесном краю, так же как и в более южных районах, предки коми-пермяков занимались зем-

леделием и охотой. Только охота имела здесь большее значение. Почти во всех мужских могилах найдены накопечники стрел. Древние поселенцы ловили в Каме крупных осетровых рыб, позвонки которых были найдены в ямах для поминок. В этих же ямах найдены кости лошадей, свиней, коров, овец и даже скорлупа от куриных яиц. Хозяйство северных племен мало отличалось от хозяйства южных соплеменников, живших на Анюшкаре.

На могильнике у деревни Плес хоронили, видимо, люди одного рода, состоявшего из нескольких семей. Всего было раскопано двенадцать рядов, в каждом из которых — от семи до десяти могил. Родственные связи внутри большого коллектива в те времена слабели. Двумя семьями уже могли самостоятельно вести хозяйство, не прибегая к помощи более далеких родственников. Родовой строй и на далеком севере начинал распадаться.

В целом раскопки показали, что обитатели северных лесов тысячу лет назад не были какими-то дикарями, как их представляли некоторые ученые. В трудных условиях сурового климата и большой удаленности от культурных центров они развивали самостоятельную, самобытную культуру.

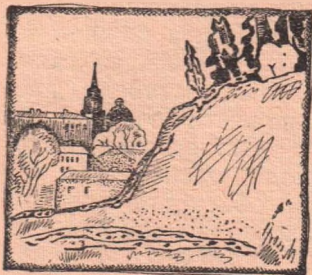
Раскопки закончены. Расчищена и сфотографирована последняя могила. В больших ящиках упакованы завернутые в бумагу находки. Убраны палатки и уложены в удобные для переноски мешки. Погас последний костер. Вымыта посуда и сложена в рюкзаки.

Отряд выстроен на последней линейке. Дежурный отдает шуточный рапорт старшине лагеря. Старшина лагеря — веселая белокурая девушка с задорными веснушками — зачитывает шуточный приказ с благодарностями, порицаниями и пожеланиями. Отряд выступает в обратный путь.

Одиноко стоят колья снятых палаток. В овраге ветер

греплет вытрясенную из матрацев солому. И долго еще жители деревни будут вспоминать веселый и дружный народ, задорными песнями нарушавший вечернюю тишину и поднимавшийся рано утром по магическому слову «подъем».

□ РЯДОМ С НАМИ

Не всегда в поисках немых свидетелей прошлого нужно совершать далекие путешествия. Нередко бывает так, что то, что мы ищем далеко, лежит совсем рядом с нами. Следы наших далеких предков обнаруживаются не только в глухой тайге на далеком севере, в пещерах и под скалами, но и прямо у нас под ногами — в

современных городах и в их окрестностях.

Далеко растянулся по Каме областной центр Западного Урала. Городская черта Перми включает сейчас и Закамск, и Левшино, и Заостровку, и Верхние Муллы. Даже окраины большой Перми превратились в благоустроенные поселки с широкими асфальтированными улицами и многоэтажными домами.

А что было раньше на тех местах, где стоит сейчас большой город?

Если обратиться к древним писцовым книгам, то историю Перми можно начинать с маленькой, в несколько дворов, деревушки Брюхановки, стоявшей на берегу Егошихи. Эта деревня существовала более трехсот лет назад. Позднее на ее месте возник в петровские времена Егошинский медеплавильный завод. Вокруг него вырос про-

мысленный и торговый поселок, постепенно превратившийся в город Пермь. Завод был предшественником города, Брюхановка — предшественником завода. А были ли предшественники у Брюхановки? Или эта русская деревушка возникла в совершенно необжитом месте?

Сейчас мы уже хорошо знаем, что ближайшие окрестности Перми были заселены человеком с древнейших времен. Мы уже рассказывали выше о стоянках Пещерный Лог и имени Талицкого. Впервые человек появился в этих местах около семидесяти пяти тысяч лет назад.

Он продолжал здесь жить в течение нескольких тысячелетий. В среднекаменном веке первобытные охотники поселились на Адищевской дюне, ныне уже затопленной Камским морем, а раньше лежавшей почти напротив окраины Левшино, на правом берегу Чусовой. Древнее племя охотников и рыболовов жило в низовьях Чусовой: на всем протяжении новокаменного и бронзового веков — здесь были многочисленные стоянки. В железном веке было построено Галкинское городище и заселено Конецгорское селище, о которых мы уже говорили раньше.

А есть ли древние памятники в самой Перми? Да, есть, и некоторые из них известны уже давно. Самые древние из них сейчас находятся на дне или по берегам Камского моря. Современная пристань в Левшино расположена прямо над местом стоянки новокаменного века, раскопки которой велись еще до войны. В Пермском краеведческом музее выставлены находки с этой стоянки: каменные шлифованные топоры, наконечники стрел, каменные грузила, медный нож, скребки и некоторые другие вещи.

Остатки древних стоянок человека известны на правом берегу Камы в поселке Верхняя Курья. Выше плотины Камской ГЭС, на Турбинской горе, у поселка Заозерье, раскопаны два могильника бронзового века. В них были найдены замечательные изделия древнейших ме-

таллургов Прикамья: бронзовые топоры, копья, ножи, привозные из Сибири украшения из нефрита.

По правому берегу Камы от Нижней Курьи до Закамска в древности располагалось несколько стоянок, на которых обитали люди, хоронившие своих родичей на Турбинском могильнике.

Поселившись в глубокой древности, люди продолжали жить в этих местах и в более позднее время, вплоть до прихода сюда первых русских поселенцев.

Сотрудник Пермского музея И. Н. Глушков еще до революции осматривал многие места города, надеясь найти остатки деятельности древних обитателей края. Однажды он забрался на высокую гору над Егошихой, которая сейчас называется Вышкой. Гора образует здесь очень удобный мыс для сооружения городища. Но валов и рвов на площадке Глушкову найти не удалось. Остатки вала виднелись на склоне мыса — вал сполз в овраг. На склонах и на краю площадки Глушков нашел древние бусы и несколько черепков из глины с примесью ракушек. Это все, что сохранилось от разрушенного городища, стоявшего в устье Егошихи по крайней мере на семь веков раньше деревни Брюхановки. Где-то недалеко от городища (точно место установить не удалось) до революции был найден клад замечательных серебряных украшений, привезенных из городов Волжской Болгарии. Очевидно, эти вещи попали к местным жителям в обмен на ценную пушнину.

Городище на Вышке не единственное в Перми. Пермский краевед, бухгалтер по профессии, Михаил Васильевич Шварев нашел на окраинах города еще несколько таких же памятников. Два древних городища были найдены им в полутора километрах от села Верхние Муллы, на правом берегу Мулянки, напротив деревни Субботиной. Черепки, собранные на этих городищах, он показал Н. А. Прокошеву, и тот определил их время ананьинской

культурой — около двух с половиной тысяч лет назад. Субботинские городища были современниками Галкинского городища и Конецгорского селища. Еще одно городище и селище Михаил Васильевич нашел около маргазинового завода. Н. А. Прокошев нашел два древних селища в Заостровке — там, где стоят сейчас могучие краны Пермского грузового порта.

Несколько лет назад учитель одной из школ Мотовилихинского района принес в университет обломок бивня мамонта. Он был найден в овраге за аэродромом. Проверить место находки вышли археологи. Там, где найдены кости мамонта, могут быть остатки древнейших стоянок человека. Но стоянки здесь не было. Мамонт погиб не от руки человека, а провалившись в овраг. Однако археолог обратил внимание на хороший мыс, расположенный по оврагу выше места находки костей мамонта. Поднявшись на него, он увидел невысокий вал. Это было еще одно городище в самой Перми.

Однажды в университет пришел пионервожатый одной из школ города. Он проводил с ребятами военную игру в лесу на окраине, называемой Архиерейкой. Во время игры ребята нашли древние валы городища.

И это далеко еще не все древние памятники в Перми. Многие из них были неизвестны до самого последнего времени. Достаточно сказать, что ежегодно весной студенты-археологи университета проходят небольшую практику на берегах Нижней Мулянки и ежегодно находят там новые и новые селища и могильники. Число их перевалило уже за полсотни.

Учителя истории города Перми могут показать своим ученикам не только древние вещи в музее, но и сводить их на места древних поселений, сохранившиеся до сих пор. Для этого не нужно ехать за тридевять земель. Достаточно сесть в обычный трамвай и затем немного пройти пешком.

Не только в Перми, но и почти во всех городах и селах Пермской области следы далеких предков можно обнаружить совсем рядом, иногда — прямо на городских улицах.

Почти в центре города стоит здание Кудымкарского краеведческого музея, а в одном квартале от него, на берегу Кувы, над прудом, на высокой горе, называемой в народе Красной горкой, находится древнее городище. Площадка его сейчас застроена, и валы почти не видны. Но в обрывах мыса можно до сих пор найти древние черепки и другие вещи. Много интересных находок с этого городища хранятся в краеведческом музее. Здесь, видимо, и была древняя крепость легендарного героя Кудым-Оша, от которого город получил свое название.

Рядом с городской гостиницей Чердыни высится большой вал, пересекающий мыс Троицкой горы. Этот вал насыпан русскими воинами для защиты города от набегов мансийских племен около четырехсот лет тому назад. А на площадке мыса в ямах между могилами позднего кладбища находили древние вещи, оставленные здесь предками коми-пермяков. Раньше здесь была древняя Чердынь, взятая в 1472 году русскими войсками князя Федора Пестрого.

В центре города Соликамска стоят замечательные памятники русской архитектуры семнадцатого века: Летний собор, отдаленно напоминающий знаменитый собор Василия Блаженного в Москве, высокая колокольня, несколько церквей, украшенных замечательными изразцами. А в пяти километрах от города, у деревни Городище, на берегу Усолки, находятся остатки древней крепости. Это городище существовало задолго до того, как в 1430 году посадские люди Калининковы положили начало современному городу.

Далеко за пределами области известны Березники — социалистический город, выросший в годы пятилеток,

гигант химической промышленности. А не так давно в краеведческий музей этого города принесли древние вещи, найденные при выравнивании площадки городского парка. Осмотр места находок показал, что они — также с городища, существовавшего более восьмисот лет назад.

В пятнадцати километрах от Березников, на правом берегу Камы, на территории известного дома отдыха «Огурдино» находятся остатки стоянки человека среднекаменного века, существовавшей около семи тысяч лет назад. Ниже ее, напротив современного поселка Орел, стоял древний Орел-городок, построенный Строгановыми при Иване Грозном. Городок был раскопан археологами. Небольшая часть его и сейчас еще видна на левом берегу и размывается Камским морем.

В центре Осы, там, где теперь усадьба сельскохозяйственного техникума и городской бульвар, около двух тысяч лет тому назад существовало древнее городище. Учитель биологии, позднее директор музея, а сейчас пенсионер Федор Иванович Петровых собрал много интересных вещей в траншее городского водопровода, пересекающей городище. Позднее на месте древнего городища возникла Ново-Никольская слобода — русский предшественник современной Осы.

На правом берегу реки Камы напротив Осы, в местности Монастырка, находятся еще три городища.

Город Кунгур возник позднее, чем Чердынь, Соликамск, Кудымкар и Оса. Ему немногим более трехсот лет. Но и здесь люди поселились задолго до того, как был построен русский город. Хорошо известна за пределами нашей области знаменитая Кунгурская ледяная пещера. Ее ежегодно посещают тысячи экскурсантов. Но далеко не все они взбираются на крутую известковую гору над пещерой. Там и сейчас еще можно видеть земляной вал древнего городища, построенного на девятьсот лет раньше, чем первые дома русских поселенцев. А в полукило-

метре ниже по Сылве, тоже на краю высокого скалистого мыса, в окружении больших кудрявых берез прячется вал второго городища.

Богаты археологическими памятниками окрестности города Чусового. Часть из них была известна археологам уже давно, а некоторые обнаружены совсем недавно учениками школы № 11 под руководством энтузиаста-учителя Ивана Викторовича Звегинцева. В километре от окраины города, называемой Лисьи Гнезда, в пойме реки Усьвы ими было найдено интереснейшее древнее селище «Телячий брод». Рядом с ним, в лесу, находится древний могильник, а еще в полутора километрах вверх по Усьве — два Саламатовских городища. Проведенные здесь недавно раскопки показали, что этот район был местом, где древние коми-пермяцкие поселения близко подходили к древним поселениям манси.

Учитель географии из Югокамска Е. Г. Семенов принес в университет каменный топор, найденный его учениками во время туристического похода в Зауралье. Он же рассказал, что около поселка находится высокая гора, называемая Костище. Археологи обследовали это место и произвели раскопки. Здесь оказалось богатейшее жертвенное место, существовавшее более двух тысяч лет назад.

На окраине Оханска, в местности Камский бор, археологи несколько лет вели раскопки древних стоянок человека, жившего здесь в течение нескольких тысячелетий, начиная с каменного века.

И так почти в каждом городе, в каждом крупном селе. Перечислять здесь все древние памятники Западного Урала было бы слишком долго и утомительно. В любом уголке области учитель истории сможет найти и показать ученикам немых свидетелей прошлого — остатки древних крепостей, курганов, городков, в которых обитали древние люди. И тогда отвлеченные рассуждения о далеком

прошлом встанут перед глазами ребят яркой и увлекательной картиной.

Учитель географии в поселке Талый Е. П. Блинецов со своими учениками обследовал несколько пещер по Яйве и ее притокам. В Чаньвенской пещере, которая раньше была известна археологам как жертвенное место позднего железного века, ребята нашли кремневый наконечник стрелы. Он был по крайней мере на две тысячи лет древнее, чем ранее известные находки. В других пещерах энтузиасты обнаружили кости древних животных и, наконец, в одной пещере им попала самая интересная находка — костяной нож с хорошими кремневыми вкладышами. Это первая пещера в нашей области, в которой найдены такие древние предметы.

Учитель Черновской школы-интерната Г. М. Бородулин во время туристского похода с учениками нашел два древних городища около села Черная в окрестностях Краснокамска. Находки, сделанные на поверхности распаханной площадки, он передал в музей. Проведенные позднее раскопки рассказали много нового о жизни первобытных обитателей этого района.

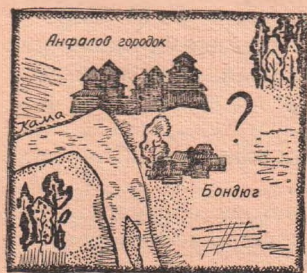
Учитель-пенсионер А. В. Нецветаев обследовал несколько археологических памятников в окрестностях Очера и даже составил для самодеятельного музея археологическую карту района.

Такие примеры можно продолжить. То, что делают эти учителя, вполне под силу каждому энтузиасту-краеведу. Было бы желание и интерес к истории своего края. Была бы хорошая связь с археологами. Не было бы в погоне за находками самовольных раскопок, которые могут испортить древние памятники. Последнее особенно важно. Наше государство охраняет древние памятники как народное достояние, отпускает средства на их изучение. Для проведения раскопок нужны специальные знания, и они могут производиться только по особому

разрешению Института археологии Академии наук. Найти древний памятник и сообщить о нем археологам — этим краеведы могут и должны помочь науке.

Много неразгаданных тайн хранит наша земля. Совместными усилиями ученых, краеведов, учителей, школьников находится все больше ключей к их разгадкам. Чем внимательнее мы будем к тому, что окружает нас повседневно там, где мы живем и работаем, тем больше будет найдено немых свидетелей прошлого, тем легче их заставить рассказать о жизни наших далеких предков.

□ НЕРАЗГАДАННЫЕ ТАЙНЫ

За последние годы археологами и краеведами прочитано немало страниц древней истории Прикамья. Но еще много неразгаданных тайн сохраняет прикамская земля. Об одних мы даже не подозреваем. К другим ведут тоненькие ниточки предположений и отдельных находок.

С древнейших времен, еще в древнекаменном веке, люди научились изображать окружающую их природу и самих себя — возникло искусство. Иногда художественные образы были связаны с религиозными верованиями, но уже нередко люди просто стремились изготовить красивые, с их точки зрения, вещи. Мы уже писали о рисунках, украшавших ребро мамонта, которое было найдено на стоянке Талицкого. Мы упоминали также о замечательном открытии пещерной живописи в Каповой пещере в Башкирии. Но все это пока еще первые ласточки.

В горной части Урала, в пределах Пермской области, находятся сотни пещер, удобных для обитания человека, в которые еще не ступала нога археолога и краеведа. Не исключена возможность, что в некоторых из них будут найдены подземные художественные галереи, не менее интересные, чем в Каповой пещере.

Во многих стоянках древнекаменного века на Украине, на Дону, под Москвой и в Сибири археологи находят при раскопках замечательные произведения древнейших скульпторов: сделанные из кости или камня фигурки животных, птиц и самого человека. Среди человеческих фигурок преобладают изображения женщины. И это не случайно. Женщины тогда играли большую роль в хозяйстве и общественной жизни. Они трудились наравне с мужчинами, готовили пищу, шили одежду, воспитывали детей. Женщины считались основательницами группы родственников, и в родовых коллективах счет родства шел по материнской линии.

Несколько лет назад недалеко от Очера учителем литературы и его учениками была найдена на берегу реки странная фигурка из известняка. По форме она очень напоминала грубое изображение человека с хорошо выраженными признаками женского пола. Фигурка была найдена в нижней части глинистой толщи берега рядом с костями мамонта и обугленными кусками дерева. Казалось, что это первая на Урале находка древнейшей скульптуры человека. Однако при внимательном осмотре фигурки наступило разочарование. Фигурка не имела следов искусственного изготовления. Сама природа нередко выступает в роли скульптора, создавая причудливые очертания скал, деревьев, отдельных камней. Фигурку, похожую на человека, сделала река, выточившая и окатавшая известковую гальку. Но рядом находились кости мамонта и угли. Возможно, что первобытные охотники подобрали изготовленную рекой и похожую на статуэтку

фигурку и потом потеряли ее на месте стойбища, когда поедали убитого ими мамонта.

Пока эта находка весьма сомнительна по связи ее с древними людьми. Но возможны другие подобные находки, которые уже не будут вызывать никакого сомнения.

В Кудымкарский краеведческий музей пионеры принесли костяной гарпун с длинными шипами. Они нашли его в реке Юсьва. Гарпун попался в рыболовную сеть и порвал ее. Музейные работники показали эту находку археологам. По форме и технике изготовления гарпун можно было отнести к самым древним костяным орудиям человека каменного века. Поверхность его имела темный коричневый цвет. Такой цвет кость обычно приобретает от долгого лежания в воде или торфе.

Археологи обрадовались. Возможно, что гарпун вымыло из слоя так называемой торфяниковой стоянки. Такие стоянки известны сейчас уже в нескольких районах нашей страны: в Прибалтике, на берегах Ладожского озера, на Дону, в Вологодской области, в Коми АССР и на восточном склоне Урала. Древние люди жили на берегах заболоченных водоемов. Вещи, которые они теряли, оставляли или выбрасывали, попадали в образующийся слой торфа и сохранялись очень хорошо. Причем в торфе несколько тысячелетий сохраняются вещи, сделанные не только из кости, но и из дерева, растительных тканей. В обычных условиях, в земле, они истлевают. Именно на торфяниковых стоянках найдены древнейшие в нашей стране лодки, лыжи, деревянные луки и стрелы (а не просто наконечники), обрывки сетей, замечательная деревянная скульптура.

Место находки гарпуна было обследовано. Но археологов ждало разочарование. Внимательный осмотр окрестностей не дал результатов, торфяниковую стоянку обнаружить не удалось...

Археологи изучают не только самые отдаленные от нас эпохи, когда первые люди начали осваивать бескрайние просторы Урала. Около тысячи лет назад на Урал проникли первые русские поселенцы. О их походах кратко и глухо сообщают нам русские летописи, грамоты, жития святых и другие письменные источники. Но сведения эти настолько скупы и отрывочны, что полную картину жизни русских первопоселенцев представить по ним невозможно. На помощь должна прийти и приходит археология. Немые свидетели прошлого — древние вещи — могут рассказать не меньше интересного, чем записи в летописях.

Археологами уже раскопан Орел-городок; раскопки велись в Чердыни, в Ново-Никольской слободе и в Очерском острожке. А русские летописи говорят нам о существовании более древних поселков.

Летопись, рассказывающая о присоединении земель Верхнего Прикамья к Русскому государству войсками князя Федора Пестрого в 1472 году, упоминает о том, что русская рать остановилась в Анфаловом городке. В этом городке рать разделилась на три части: одна из них пошла вниз по Каме к городку Урос, другая — на Чердынь и Покчу, третья — к Искорскому городку, где собиралось войско местных племен под водительством пермского князя Михаила. Но что это за Анфалов городок? Когда он возник? Очевидно, еще до похода 1472 года, когда летопись пишет о нем как уже о существовавшем ранее. Почему он так назывался и где находился?

Эти вопросы давно интересуют путешественников и краеведов. В восемнадцатом веке известный путешественник капитан Рычков, обследовавший в Прикамье несколько городищ и других «чудских мест», считал, что городок находился на Колве, на вершине Дивьего камня. Его высказывания привел в своей интересной сводной работе «Пермь Великая», посвященной древностям Верх-

него Прикамья, известный краевед-географ И. Я. Кривошеков.

В начале нашего века чердынский краевед Пушвинцев в небольшой статье внимательно проанализировал сведения летописи о походе Федора Пестрого и пришел к выводу, что Анфалов городок находится, вероятнее всего, на Каме, по которой русская рать сплавилась на плотах и затем уже конным строем двинулась на Пермь Великую. Он считал, что название городка ведет свое происхождение от русского имени Анфал, которое часто встречается в новгородских летописях. Он же отметил, что в прикамских деревнях по бывшему пути рати Федора Пестрого до сих пор встречаются географические названия, сохранившие это имя: например, Анфалово озеро, Анфалов лог и даже фамилии Анфаловы. По его мнению, городок существовал на Каме до похода Федора Пестрого и был основан новгородцем по имени Анфал. Был ли этот Анфал легендарной личностью или реальным историческим лицом, — на этот вопрос маленькая заметка Пушвинцева не дает ответа.

Хорошо известно, что первыми русскими, проникшими на Урал, были новгородцы. Летописи рассказывают о походах дружин новгородских бояр для сбора дани с населения земель Северного Урала, которые считались волостью Великого Новгорода под именем Пермь и Югра. Но эти походы были эпизодическими и редко продолжались больше года. Вряд ли ушкуйники (так называли этих сборщиков дани и лихие дружины грабителей по большим лодкам-ушкуям, на которых они плыли по северным рекам) были основателями первых русских поселений. Как пишут о них летописи, они с обмененной или награбленной добычей возвращались обратно в Новгород или складывали головы на чужбине.

Можно предположить, что уже в те времена в дальние странствия на восток пускались не только боярские дру-

жинники, но и новгородские крестьяне. Привлеченные рассказами о богатых уральских землях, они бежали от притеснения своих бояр и их приказчиков и селились вместе с коми или основывали первые русские деревни и починки. Археологи находят на поселениях и могильниках местных прикамских племен того времени вещи, которые в новгородской земле обычно находятся не в самом городе, а в деревенских курганах и на селищах. Однако пока не найдено ни одной чисто русской деревни.

Вернемся теперь к Анфалову городку. В новгородских и устюжских летописях в конце четырнадцатого века упоминается воевода Анфал Никитин — наместник Великого Новгорода в Двинской земле. Сначала этот воевода верой и правдой служил своим новгородским хозяевам. Но в это время усиливается Московское княжество, возглавившее борьбу русского народа против татаро-монгольского ига, собиравшее русские земли в единое государство.

Московское княжество начинает борьбу за богатые новгородские волости, а Дмитрий Донской рассылает в эти волости свои жалованные грамоты, распоряжаясь в них, как хозяин. Московские князья стремятся привлечь к себе на службу новгородских наместников. Анфал Никитин понял, что сила на стороне Московского великого князя, нанесшего тяжелый удар татаро-монголам на Куликовом поле. Он ведет тайные переговоры о передаче Двинской земли под московскую руку.

До поры, до времени в Новгороде не подозревают, что один из лучших воевод, храбрый руководитель дружины, разбившей татар под городом Жукотином в 1360 году, предался Москве. Измена Анфала Никитина вскрылась лишь в 1393 году, когда московское войско захватило Торжок, Вологду и Волок Ламский. Двинский воевода Анфал Никитин и его братья Иван, Родион и Герасим открыто выступили на стороне московского князя. Одна-

ко сломить могущество Новгорода московский князь был в то время еще не в силах. Вскоре был заключен мир. Братья Анфала, Иван и Родион, были вызваны в Новгород и по приказу новгородского архиепископа сброшены с моста и утоплены в Волхове. Третий брат, Герасим, был насильно пострижен в монахи. Анфалу удалось бежать.

Анфал Никитин бежал на восток, в прикамские леса, уже известные ему раньше по рассказам возвращавшихся с большой добычей ушкуйников. Одиннадцать лет о нем ничего не было слышно. В это время он, очевидно, и пробрался с верными друзьями и слугами в верховья Камы и срубил укрепленный городок, который стал называться его именем. В то время почти все новые русские деревни и городки назывались по имени первого поселенца. Однако беспокойному, уже пожилому воеводе не сиделось в камских лесах. Он дал знать о себе московскому князю и скоро был приглашен на московскую службу. В 1401 году Анфал и его брат поп-расстрига Герасим, бежавший из Новгорода, возглавили поход московского войска на Двинскую землю. Поход закончился неудачей, и Анфал вынужден был опять спастись бегством. Очевидно, он снова бежит в свой городок на Каме, где осталась часть его дружины.

Через восемь лет по приказу московского князя Анфал возглавил войско вятчан в походе на болгарскую часть Золотой орды на Каме и Волге. И здесь его постигает неудача. Татаро-монголам был нанесен серьезный удар, но сам Анфал вместе с сыном попал в плен. Девять лет томится он в татарской неволе и потом бежит из плена и возвращается на Вятку. Здесь неожиданно он встречается со своим старым врагом по новгородской службе Рассохиным и гибнет от его руки на поединке. Имя неугомонного воеводы, прожившего бурную жизнь, надолго остается в названии основанного им городка, а позднее

в фамилиях местных жителей, вероятно потомков первых поселенцев городка, в названиях озера и лога под Чердынью.

Итак, Анфал был реально существовавшим лицом, имя которого часто упоминают летописи. Время основания городка также устанавливается более или менее точно — примерно в 1393 или 1394 годах. При жизни Анфала городок существовал около двадцати пяти лет. Совершенно очевидно, что он не прекратил свое существование и до 1472 года, когда в нем останавливалась рать Федора Пестрого. Сохранился ли он позднее и когда прекратилась в нем жизнь, — сказать трудно. Русские летописи о нем молчат, а первые писцовые книги шестнадцатого века не упоминают. Во всяком случае, городок был русским укрепленным пунктом не менее восьмидесяти лет.

Остается неясным, где же находился этот городок? Летопись в рассказе о походе Федора Пестрого говорит, что от устья реки Черной русское войско на плотах сплыло по Весляне в Каму, а по Каме — до Анфалова городка, где разделилось на три части. Поэтому вряд ли правильны попытки некоторых краеведов искать городок в районе устья Черной. Городок явно стоял на Каме. Единственное удобное место, откуда разделившаяся на три части рать могла достичь кратчайшим путем намеченной цели, было около современного села Бондюг (а русские были не впервые в этих местах и, очевидно, знали кратчайшие расстояния до важнейших центров Перми Великой).

В районе Бондюга Кама резко поворачивает на юг. Отсюда было ближе всего до легендарного Уроса, остатка которого, по мнению некоторых археологов и краеведов, находятся на месте Урольского городища. От Бондюга открывался кратчайший путь на Чердынь и Покчу, а если свернуть левее — то и на Искор.

В районе Бондюга сделано несколько интересных на-

ходок явно русского происхождения, относящихся к тому времени, когда существовал городок. Здесь были найдены большой тяжелый меч русской работы, остатки русской кольчуги и русский шлем-шишак. В районе Бондюга найден также большой клад русских монет пятнадцатого века.

Археологи тщательно обследовали район Бондюга и нашли несколько древних селищ местных племен. Но остатки городка до сих пор не обнаружены.

Можно допустить, что городок, существовавший сравнительно недолго — меньше сотни лет, был разрушен при лесных разработках или пахотой. Ведь на нем могли находиться черепки, мало отличающиеся от крестьянских горшков прошлого века, а это не могло обратить особого внимания. Может быть, остатки его до сих пор покоятся в земле, поросшие густым лесом и скрытые пока от глаз потомков. Найти городок было бы крайне интересно. Раскопки дали бы новый материал, рассказывающий о жизни первых русских поселенцев в прикамских лесах и о их отношениях с местным населением. Городок ждет своих первооткрывателей.

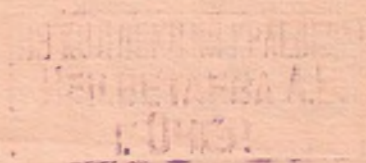
* * *

Интересна и увлекательна работа археологов. В поисках немых свидетелей прошлого они проходят, проезжают и проплывают сотни километров. Путешествие в глубину веков продолжается в тишине лабораторий, где заставляют вещи рассказывать о людях, создавших их.

Немые свидетели уже много рассказали о давно минувших днях, но они могут рассказать еще больше. На помощь археологам приходят другие науки. Химики, сделав анализ древнего металлического орудия, помогают определить, каким способом и где оно сделано. Специалисты по ядерной физике устанавливают время существования древних памятников с большей точностью, чем

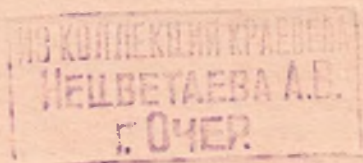
это могут сделать сами археологи. Биологи, определяя кости животных и зерно, найденные в раскопках, дают археологу точные факты для характеристики древних людей.

Прикамская земля хранит много немых свидетелей прошлого, не сказавших еще даже первого своего слова потомкам. Найти их и заставить говорить — значит прочитать новую страницу истории жизни наших далеких предков.

□ ОГЛАВЛЕНИЕ

Ребро мамонта	5
Вишерские писанцы	19
Египетский бог на Каме	37
Рукоятка из Анюшкара	52
Предки встают из могил	65
Рядом с нами	76
Неразгаданные тайны	84

Владимир Антонович Оборин

Немые свидетели

Редактор *А. М. Граевский*
Художественный редактор *М. В. Тарасова*
Технический редактор *Г. В. Пайдусева*
Корректор *Л. К. Пономарева*

Подписано к печати 9/VI 1965 г.

Формат бум. 70×108¹/₃₂ 1,5 б. л., 3 п. л.,
(усл.-прив. 4,11 л.), 4,115 уч.-изд. л.
ЛБ02452 Тираж 30 000 Цена 22 коп.

2-я книжная типография управления по печати
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 968

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Библиотека путешествий и приключений

Вышли из печати

- Выпуск 1. А. Домнин. **Дикарь**. Цена 6 коп.
Выпуск 2. М. Заплатин. **На гору каменных
идолов**. Цена 12 коп.
Выпуск 3. Н. Чернышев. **Западня**. Цена
8 коп.
Выпуск 4. А. Ромашов. **Лесные всадники**.
Цена 11 коп.
Выпуск 5. Ю. Вылежнев. **На лосях**. Цена
13 коп.
Выпуск 6. А. Белоусов. **Камень нерушимый**.
Цена 9 коп.
Выпуск 7. А. Соколов. **Пламя над тайгой**.
Цена 6 коп.
Выпуск 8. А. Крашенинников. **В лабиринтах
страны Карст**. Цена 6 коп.
Выпуск 9. Н. Чернышев. **Находка беглого ру-
докопа**. Цена 6 коп.
Выпуск 10. А. Граевский. **На север!** Цена
8 коп.
Выпуск 11. А. Ромашов. **Золотой исток**. Це-
на 10 коп.
Выпуск 12. В. Волосков. **На перепутье**. Це-
на 7 коп.
Выпуск 13. В. Занадворов. **Медная гора**. Це-
на 14 коп.
Выпуск 14. М. Заплатин. **Вдоль Каменного
пояса**. Цена 17 коп.
Выпуск 15. Ю. Курочкин. **Легенда о Золотой
бабе**. Цена 29 коп.

Выпуск 16. А. Ромашов. Земля для всех.
Цена 11 коп.

Выпуск 17. Селянкин. «Ваня-Коммунист».
Цена 11 коп.

Выпуск 18. Л. Фомин. Лесная повесть. Цена
8 коп.

Выпуск 19. А. Домнин. Поход на Югру. Це-
на 6 коп.

Выпуск 20. В. Матвеев. Золотой поезд. Це-
на 25 коп.

Выпуск 21. В. Волосков. Операция продол-
жается. Цена 33 коп.

Выпуск 22. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Бойцы. Це-
на 32 коп.

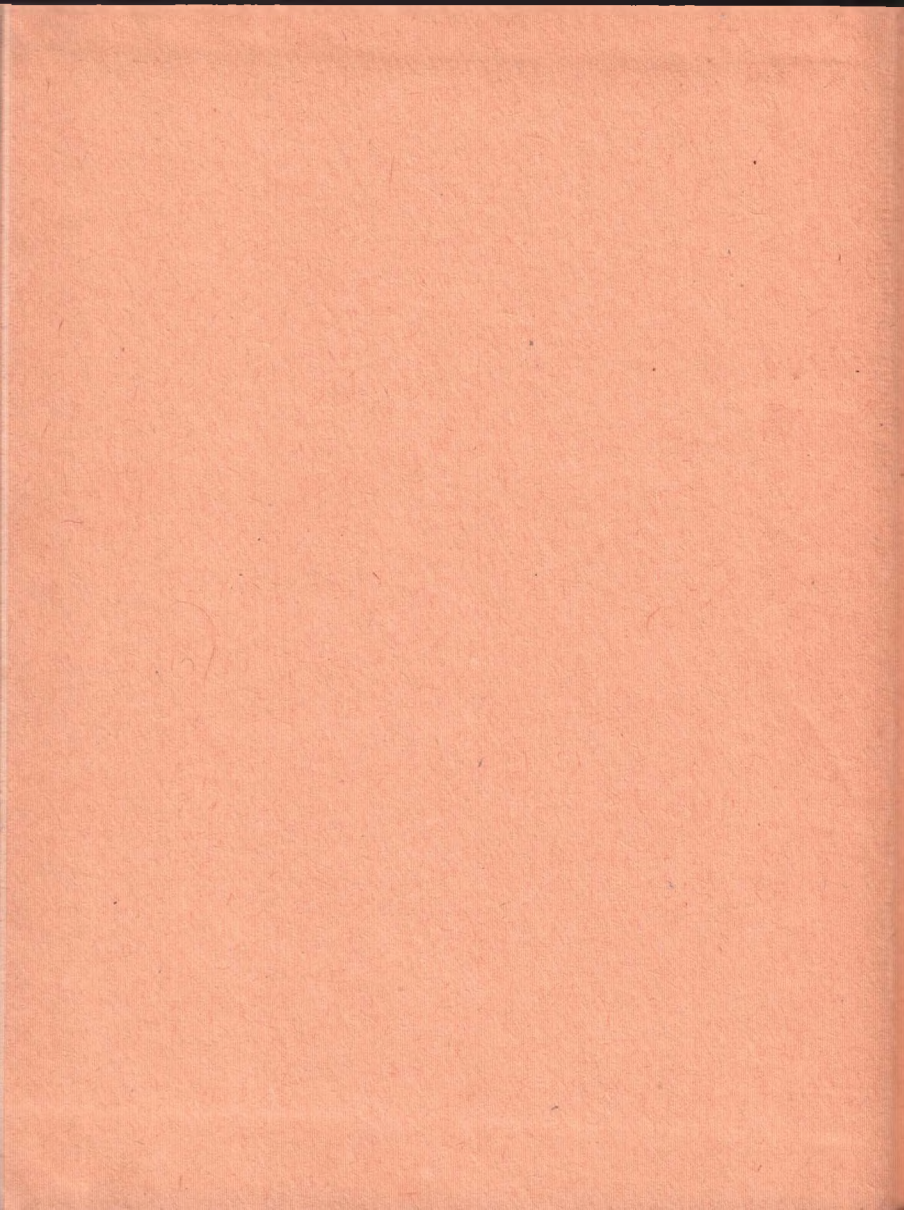
Выходят из печати:

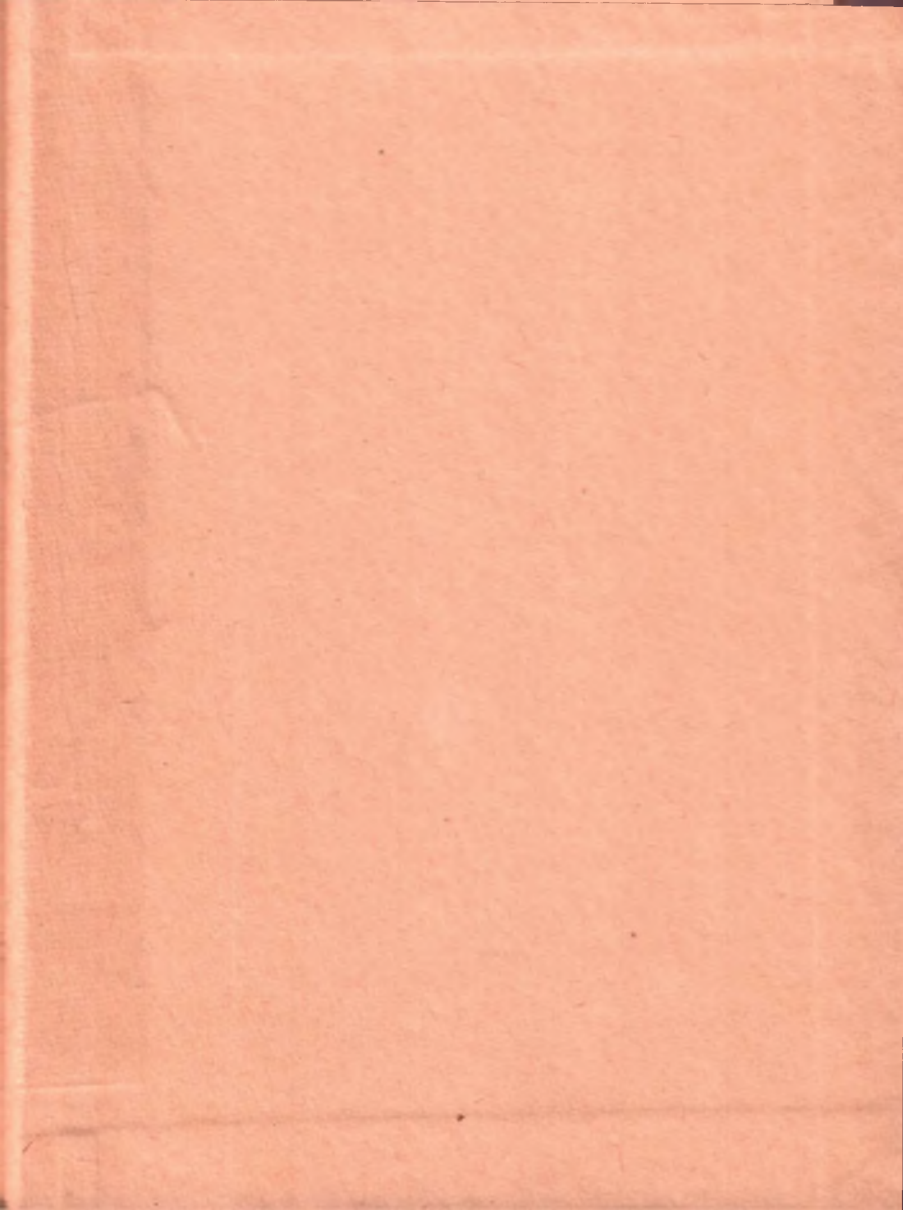
Выпуск 23. Г. Бабаков. Тигр наступает.

Выпуск 24. Г. Солодников. Ледовый рейс.

инв. №516.

Очер. музей

22 коп.

